

АРХИВИСТ ЧУЖОГО ДОМА

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Архивист чужого дома

<https://litres.ru/74336438>

SelfPub; 2026

Аннотация

Елена Ратникова приезжает в загородный Дом Ветровых ради дорогого и, на первый взгляд, простого заказа: удалить цифровую историю умершей наследницы. Но домашний архив хранит не только фотографии и голоса. Его записи определяют родство, доли в семейном фонде и право человека считаться своим.

Когда дом блокирует выходы, а удалённые фрагменты начинают менять судьбы живых людей, Елена понимает: её выбрали не для очистки архива, а на роль единственной виновной. Чтобы сорвать чужой план, ей придётся восстановить преступление по структуре отсутствий, отделить личную тайну от доказательства чужих прав и признать, что нейтральность тоже бывает выбором.

«Архивист чужого дома» — камерный психологический триллер о памяти, собственности и цене права распоряжаться прошлым.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Чужой пароль	6
Глава 2. Комната согласия	21
Глава 3. Пустой портрет	36
Глава 4. Право гостя	54
Глава 5. Тёплая ниша	68
Глава 6. Голос умершей	84
Глава 7. Автономная ночь	99
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Влад Велирский

Архивист чужого дома

От автора

Мы привыкли думать, что домашний архив принадлежит семье так же естественно, как стены, мебель или ключи от входной двери. Но запись о человеке редко принадлежит только тому, кто её хранит. На общей фотографии есть несколько лиц. В семейном договоре пересекаются права тех, кто подписывал его, и тех, чья жизнь от него зависит. Даже простое письмо существует между отправителем и адресатом — и потому решение одного человека стереть прошлое почти всегда касается другого.

Этот роман вырос из вопроса о границе между правом на забвение и властью назначать чужую память несуществующей. Его герои живут в вымышленном городе, используют вымышленную архивную систему и сталкиваются с вымышленными процедурами. Технологические детали здесь служат детективной причинности, а не описывают реальные способы доступа, удаления или восстановления данных.

Все существенные улики появляются до развязки. Однако искать стоит не спрятанный файл с готовым ответом, а порядок исчезновений: что пропало первым, кому стало выгодно

отсутствие и чьё право изменилось вслед за записью. В доме Ветровых почти каждый говорит правду о своём фрагменте ночи. Опасность возникает там, где один фрагмент пытаются выдать за право распоряжаться целым.

Влад Велирский

Глава 1. Чужой пароль

К тому времени, когда Елена увидела Дом Ветровых, озеро уже исчезло.

Навигатор уверял, что вода начинается в сорока метрах справа, за мокрыми соснами, но там стояла сплошная серая стена. Ветер бросал дождь поперёк дороги, и лучи фар не освещали его, а будто вязли в нём. Последние три километра телефон показывал одну отметку сети, потом сдался и написал: «Только экстренные вызовы».

Дом возник без предупреждения: тёмная линия крыши, три этажа стекла и камня, янтарные квадраты окон. Ворота были частью длинной бетонной стены. Ни таблички, ни звонка — только матовая панель под узким козырьком.

Елена остановила машину перед белой чертой. В договоре было сказано: не приближать к внутренней сети незарегистрированные носители. Она вынула из телефона карту памяти, опустила её в пломбированный карман кейса и лишь после этого открыла дверь.

Ветер сразу дёрнул её за пальто.

На панели загорелся круг.

— Назовите себя.

— Ратникова Елена Сергеевна. Архивная мастерская «Контур». Код визита семь-два-омега.

— Посмотрите в камеру.

Она посмотрела. Где-то внутри стены щёлкнуло, затем наступила пауза — на секунду длиннее обычной машинной проверки.

— Гостевой статус подтверждён до нуля часов десяти минут. Вывоз данных запрещён. Зафиксировано согласие?

— Зафиксировано.

Створки разошлись. Елена успела проехать, и они сомкнулись за багажником так быстро, словно дом передумал впускать её ещё до того, как она оказалась внутри.

У крыльца ждал мужчина без зонта. Дождь темнил плечи его серого пальто, но он не спешил под навес. На фотографии в договоре Лев Ветров был снят пять лет назад: широкое лицо, седина только у висков, спокойная улыбка председателя благотворительного вечера. Теперь седина почти вытеснила тёмные волосы, улыбки не было.

Он открыл пассажирскую дверь прежде, чем Елена успела обойти машину.

— Кейс сюда.

— Я сама.

— В доме нет посторонних.

— Поэтому я и не передаю рабочий ключ заказчику.

Лев задержал руку на дверце. Не спорил — отмечал.

— До полуночи два часа сорок восемь минут, — сказал он. — Надеюсь, ваша принципиальность работает так же быстро, как репутация.

— Репутация обычно приезжает раньше меня. Вы могли

нанять её.

В его лице что-то почти стало улыбкой и исчезло.

В холле пахло нагретым камнем, древесным воском и озоном. Высокие окна дрожали под порывами. На противоположной стене светились семейные портреты: восемь прямоугольников в два ряда. Фотографии менялись медленно, без музыки и подписей. Мужчина с тяжёлой серебряной тростью на летней террасе. Две женщины у лодочного причала. Под-росток, закрывающий ладонью объектив. Лев моложе, чем на договорной фотографии, рядом с темноволосой женщиной в белом платье.

Елена отвернулась. Просмотр личного слоя до начала процедуры считался доступом, даже если записи висели в прихожей.

— Где остальные участники согласия?

— Вам нужен я. Второй голос уже помещён в акт.

— Запись голоса не равна живому согласию.

— Система считает иначе.

— Тогда система нарушает собственный регламент.

Лев снял пальто и передал подошедшей женщине лет шестидесяти. Та была в тёмном платье и мягких домашних туфлях; на Елену посмотрела не с любопытством, а с жалостью человека, который знает прогноз раньше врача.

— Роза, чай в архивную, — сказал Лев.

— Генератор проверили? — спросила она.

— Павел занимается.

— Гроза идёт через мыс.

— Я вижу окна.

Роза взяла его пальто. Проходя мимо Елены, тихо сказала:

— В архивной холодно.

Это могло быть предупреждением взять свитер. По её лицу Елена не поняла.

Лев приложил ладонь к чёрной полосе в стене. Дверь без ручки отступила в паз.

— Прошу.

Архивная оказалась не комнатой с серверами, как Елена ожидала, а кабинетом без окон. Овальный стол, шесть кресел, три стены из тёмного дерева. Четвёртую занимал матовый экран. На нём белела одна строка:

«СВОД. Семейный контур Ветровых. Внешний архивист ожидается».

Под столом были выведены два независимых разъёма. Елена поставила кейс так, чтобы видеть и экран, и дверь, распечатала пломбу и достала рабочий терминал. Лев сел напротив.

— Заказ вы читали.

— Читала. Личный слой основателя после закрытия наследственного производства. Переписка, бытовые журналы, медицинские отметки, частные аудио. Правовые связи, доли фонда и журналы доступа в объём удаления не входят.

— Всё, помеченное личным.

— В договоре уже, чем в вашей формулировке.

— Мой отец создавал «Свод». Он сам назначал метки.

— Мёртвый владелец не может расширить действующий договор.

Лев положил на стол тонкую папку.

— Именно поэтому здесь вы.

В папке лежал бумажный акт допуска. Елена удивилась не бумаге — в делах с семейными архивами люди часто доверяли ей больше, чем своим системам, — а двум выписанным от руки строкам на обороте. Контрольные суммы исходного контура и резервного снимка. Сорок восемь знаков каждая.

Она пододвинула лист к свету.

— Кто переносил эти значения?

— Нотариальный хранитель.

— Когда?

— Сегодня днём.

— Его электронная подпись в пакете?

— Всё внутри. Подключайтесь.

Елена не подключилась. Сверила первую строку с приложением к договору на своём терминале. Первые двадцать четыре знака совпадали. Потом вместо «7A» в бумажном акте стояло «1F». Дальше совпадение восстановилось, словно два символа аккуратно заменили, а не ошиблись при переписывании.

Во второй строке расхождение было в другом месте.

— У вас два исходных состояния.

— У нас миграционная ошибка.

Он ответил слишком быстро. Елена подняла глаза.

— Миграция была три месяца назад.

— И ошибка с тех пор существует.

— Тогда акт не подтверждает, с какой версией я работаю.

— С той, которую открывает дом.

— Дом не несёт ответственность.

— Зато вы несёте. За проверку перед началом вам и платят.

Это было сказано почти доброжелательно. Елена услышала знакомую конструкцию: сначала специалисту мешают установить исходное состояние, затем объявляют, что именно он обязан был его установить. Два года назад она уже подписала акт со словом «идентично», потому что заказчик торопился, а её собственная проверка не закончилась. Разница обнаружилась через неделю. Тогда речь шла о трёхстах семейных видео и одной нотариальной записи, случайно попавшей в личный раздел. Жалобу отозвали, взыскание осталось. Ещё одно — и лицензионная комиссия могла закрыть мастерскую раньше, чем банк заберёт помещение.

Она достала из кейса прозрачную пластину независимого считывателя.

— Мне нужен прямой отпечаток каждого узла.

— Это сорок минут.

— Если всё чисто — двадцать две.

— В полночь начнётся синхронизация. Окно удаления назначено не нами.

— Кем?

Лев посмотрел на экран, и тот словно почувствовал внимание: строка исчезла, появилась схема из трёх белых кругов. Центральный назывался «Хозяин», западный — «Дом», третий — «Резерв». Между ними медленно проходили светлые импульсы.

— Моим отцом, — сказал Лев. — Посмертное распоряжение вступило в силу после завершения всех споров. Сегодня последний день. В ноль часов личный слой либо удаляется по воле владельца, либо консервируется на семь лет. Вместе с судебными ограничениями.

— То есть вы потеряете к нему доступ.

— Семья потеряет право исполнить волю отца.

Он не лгал. Просто выбрал из последствий то, которое звучало достойнее.

Елена подключила считыватель к первому разъёму, не открывая содержимого. Экран спросил разрешение на гостевой аудит. Она ввела номер лицензии и приложила большой палец. Появился текст обязательства: не копировать личные записи, не изменять права доступа, не выносить структурный журнал. Ниже мигала кнопка «Принимаю».

— В приложении к договору нет запрета фиксировать структуру, — сказала она.

— Есть запрет выносить её из дома.

— Это разные вещи.

— Сегодня — нет.

На стол бесшумно поставили чай. Елена не заметила, как вошла Роза. На подносе стояли две чашки, сахарница и маленький латунный ключ — настоящий, с потёртым бородком.

Лев накрыл ключ ладонью.

— Спасибо.

Роза не уходила.

— Павел сказал, западный датчик опять отстаёт.

— Насколько?

— Он не сказал. Просил не начинать без него.

— Павел всегда просит дать ему ещё пять минут.

— В прошлый раз вы дали.

Лев перевёл взгляд на неё. Роза взяла поднос и вышла, оставив чашки.

— Западный датчик относится к архиву? — спросила Елена.

— К погодной станции.

— Какой узел стоит на западной стороне?

— Вы приехали удалять записи, а не допрашивать персонал.

— Я приехала засвидетельствовать, какие записи были удалены и из какого состояния. Пока я вижу две суммы, срочный срок и датчик, который просили проверить до начала.

— А я вижу специалиста с долгом по аренде, — сказал Лев. — И заказ, который закроет этот долг за одну ночь.

Елена не двинулась. Снаружи гром ударил так близко, что чай дрогнул в чашках.

— Финансовая проверка подрядчика была в условиях допуска, — продолжил он. — Не надо принимать её за угрозу. Мне нужна уверенность, что вы не бросите работу посередине из-за формальной неровности.

— Две разные контрольные суммы — не неровность.

— Сверьте активный контур. Внесите его в журнал. После этого вопрос закрыт.

— Нет. После этого будет зафиксировано только состояние на момент моего входа. Не то, которое принял нотариальный хранитель.

— Нотариальный хранитель уехал в Ладожин. Дорога через час станет непроходимой.

— Тогда вызовите его сейчас.

Лев повернул к ней свой телефон. На экране не было сети.

— Вы хотите уехать?

Вопрос прозвучал без нажима. От этого Елене стало холоднее, чем от вентиляции.

Она посмотрела на часы: двадцать один час двадцать шесть минут. Если отказаться сейчас, дорога ещё могла быть открыта. Она увезёт неподписанный акт, сохранит лицензию и потеряет платёж. Через десять дней банк спишет последний резерв мастерской. Но хуже денег было другое: после полуночи никто уже не докажет, к какому состоянию относилась эта бумага. Две суммы превратятся из улики в спор

о почерке.

— Я хочу получить исходный отпечаток, — сказала она.
— И отдельную запись о несовпадении.

— Делайте.

Согласие прозвучало слишком легко.

Елена нажала «Принимаю».

Экран погас. Затем по нему прошла тонкая янтарная линия, разделилась на три и коснулась кругов узлов. «Хозяин» ответил первым. «Дом» — через две секунды. «Резерв» оставался серым.

— Резерв спит? — спросила Елена.

— Холодное хранение.

— Для контрольной суммы он должен проснуться.

— Проснётся после первого подтверждения.

На терминале открылся акт операции. В поле заказчика стояло: «Ветров Аркадий Михайлович». Дата смерти — год и четыре месяца назад. Исполнитель — Елена Ратникова. Представитель фонда — Лев Ветров. Объём операции был сформулирован верно, почти слово в слово по договору. Ниже система предлагала провести предварительное подтверждение личности архивиста.

Елена раскрыла техническую вкладку. Прямой отпечаток активного контура совпал с первой строкой бумажного акта до места расхождения, а затем — со второй. Он был собран из двух половин.

Так не ошибался переписчик.

Так не ошибалась миграция.

— Кто формировал пакет? — спросила она.

— Я уже ответил.

— Нотариус переносил суммы вручную, но активный кон-
тур показывает составное значение. Кто-то заменил часть со-
стояния между узлами.

— Или ваш прибор неверно читает старую схему.

— Мой прибор ничего не читает, кроме подписей струк-
туры.

— Слова человека, у которого уже было взыскание за
неверное сравнение.

Вот теперь это стало угрозой.

Елена отсоединила считыватель.

— Без подъёма резерва я не продолжу.

Лев не повысил голос.

— Подъём резерва запускается вашим подтверждением.
Так устроен «Свод». Вы подтверждаете присутствие, систе-
ма выводит узел из холодного режима, после сверки мы либо
идём дальше, либо составляем отказ. Я не прошу удалить ни
одного файла.

На экране действительно было написано: «Предваритель-
ное подтверждение не изменяет содержимое архива». Под
ним — ссылка на журнал будущей операции и строка: «От-
зыв доступен до получения второго согласия».

Елена перечитала её дважды.

— После подтверждения я получу все три отпечатка?

— Да.

— И смогу отозвать участие до второго голоса?

— Это написано перед вами.

— Я спрашиваю вас как представителя фонда.

Лев выдержал паузу.

— Сможете.

Она включила локальную запись действий. Красный индикатор загорелся только на её терминале.

— Фиксирую: контрольные суммы бумажного акта не совпадают между собой и с составным отпечатком активного контура. Предварительное подтверждение даётся исключительно для подъёма резервного узла и сверки. Содержательные операции запрещены до отдельного решения исполнителя.

— Зафиксировано, — сказал Лев.

— Назовите себя и полномочие.

На этот раз раздражение проступило в его голосе.

— Лев Аркадьевич Ветров, управляющий семейным фондом, представитель владельца контура.

Елена приложила ладонь к считывателю.

Терминал попросил произнести случайную фразу.

— Синий маяк виден с северного берега.

Секунда тишины.

«Личность подтверждена».

Серый круг «Резерва» ожил. По его краю побежали белые деления: десять процентов, двадцать, тридцать пять. Где-то

далеко в стенах включился низкий гул. Воздух под деревянной панелью дрогнул.

На сорока процентах свет мигнул.

Елена услышала, как в холле одновременно щёлкнули несколько замков.

— Это резерв? — спросила она.

Лев уже смотрел не на экран, а на дверь.

Гул стал ниже. Янтарная линия между тремя узлами окрасилась красным. Над схемой возникло сообщение:

«ВНЕШНИЙ КАНАЛ НЕСТАБИЛЕН».

Следом появилось второе:

«ДЛЯ ЗАЩИТЫ ЦЕЛОСТНОСТИ КОНТУРА ВКЛЮЧЁН АВТОНОМНЫЙ РЕЖИМ».

Елена встала. Дверь архивной не отступила, когда она поднесла ладонь к полосе.

— Откройте.

— Это штормовой протокол, — сказал Лев. — Через минуту права обновятся.

Елена вызвала на терминале гостевой статус. Зелёная полоса доступа медленно стала жёлтой. Внизу появился список ограничений: внешняя связь приостановлена; выезд транспорта запрещён до стабилизации контура; гостевые маршруты сокращены.

Последняя строка возникла не сразу.

«ОПЕРАЦИЯ УДАЛЕНИЯ: ПЕРВОЕ СОГЛАСИЕ ПОЛУЧЕНО».

— Я подтверждала личность архивиста.

— Для системы это первый голос, — ответил Лев.

— Вы сказали, содержательная операция не начнётся.

— Она и не началась. Нужен второй.

На экране круг «Резерва» дошёл до ста процентов. Под ним развернулась новая контрольная сумма. Она не совпала ни с одной из двух на бумаге.

Три состояния одного архива.

Елена нажала «Отозвать участие».

Кнопка стала серой.

«ОТЗЫВ НЕДОСТУПЕН В АВТОНОМНОМ РЕЖИМЕ.
ОБРАТИТЕСЬ К ВЛАДЕЛЬЦУ КОНТУРА».

— Вы знали, — сказала она.

Лев поднялся и забрал со стола латунный ключ.

— Я знал, что будет гроза.

За дверью слышались быстрые шаги, затем женский голос спросил:

— Лев? Ворота закрылись. Нина ещё снаружи.

Он не ответил.

Экран потемнел, будто поверх него опустили полупрозрачную ткань. Белые буквы складывались медленно, одна строка за другой:

«ОЖИДАЕТСЯ ВТОРОЕ ЖИВОЕ СОГЛАСИЕ».

«ИСТОЧНИК СОГЛАСИЯ НАЙДЕН».

Елена посмотрела на часы. Двадцать один тридцать две.

До полуночи оставалось два часа двадцать восемь минут.

До ворот — меньше ста метров. Но теперь дом считал её не гостьей, которая могла уехать, а первой половиной чужого приказа.

Глава 2. Комната согласия

— Отмените автономный режим, — сказала Елена.

Лев приложил латунный ключ к невидимому шву деревянной стены. Панель отъехала, открыв узкую нишу с красной рукоятью и механическим замком.

— Могу обесточить архивную. Тогда резерв не завершит проверку, журнал останется незакрытым, а ваше первое согласие — последним подтверждённым действием перед аварией.

Он повернул ключ на четверть оборота. Красная рукоять вышла из гнезда.

— Дёрнуть?

Елена увидела ловушку раньше, чем он закончил вопрос. Обесточивание уничтожило бы не данные, а последовательность, ради которой она осталась. После него любую разницу можно было списать на аварийное восстановление.

— Верните питание под пломбу.

— Оно и так под пломбой.

— Под моей.

Лев усмехнулся и отпустил рукоять.

— Значит, не отменяем.

— Значит, вы не предлагаете отмену. Вы предлагаете испортить доказательство.

За дверью снова постучали.

— Лев, — позвал женский голос. — Открой.

Он коснулся полосы ладонью. Дверь отошла, и в комнату вошла высокая женщина в домашнем свитере и брюках. Ей было около сорока. Волосы она собрала так туго, будто готовилась не пережить грозу, а выступить перед комиссией.

— Почему Нинина карта не отвечает? — спросила она.

— Потому что контур перешёл в автономный режим.

— Она у ворот.

— Ворота открываются изнутри.

— Так открой.

Лев взглянул на Елену.

— Архивист требует сохранить аварийный журнал.

Женщина впервые посмотрела на гостью.

— Вы Ратникова?

— Да.

— Софья Ветрова. Нина — моя сестра. Если она сейчас развернётся на прибрежной дороге, машину снесёт в канаву.

— Я не блокировала ворота.

— Но можете разблокировать?

— Не потеряв журнал — не знаю. Покажите панель управления воротами.

— Сначала операция, — сказал Лев. — Потом прогулки по дому.

Софья повернулась к нему.

— Ты ждал Нину.

— Она получила время.

— На дороге дерево.

— Откуда ты знаешь?

— Она успела позвонить до отключения связи.

Лев помолчал. На его лице ничего не изменилось, но Елена заметила, как он сжал ключ. Значит, связь исчезла не мгновенно для всех — или исчезла не вся.

— Роза проведёт к боковому шлюзу, — сказал он. — Механическое открытие на месте.

Софья вышла, не поблагодарив.

— Она может открыть ворота без аварии архива? — спросила Елена.

— Боковую калитку. Если Нина бросит машину.

— А вы только что предложили обесточить всю комнату.

— Вы просили отменить автономный режим, не открыть дверь.

Елена вернулась к терминалу. Спорить с ним о словах означало позволить ему выбирать предмет разговора.

На экране по-прежнему светилось: «ИСТОЧНИК СОГЛАСИЯ НАЙДЕН».

— Покажите источник.

— Система покажет в комнате согласия.

— Мы не в ней?

— Это архивная.

Лев нажал на край стола. Деревянная стена за его креслом разошлась на две створки. За ней обнаружилось помещение размером с лифт: белые стенки, две отметки для ладоней,

потолочная камера. Ни кресел, ни выходов.

— Два человека заходят, подтверждают волю и выходят,
— сказал он. — Никакого давления третьих лиц.

— А записанное согласие откуда входит?

— Через контур владельца.

— Вы сказали, вторым подтверждающим будет живой голос.

— Я сказал, что голос уже помещён в акт.

— Система пишет «живое согласие».

— Формулировки моего отца пережили его самого.

Елена открыла сведения об операции. Поле второго участника было закрыто до входа исполнителя в комнату. Рядом горел значок локального хранения: источник находился внутри дома, не снаружи.

— Кто сейчас имеет доступ к контуру владельца?

— Наследники по исполнительному акту.

— Имена.

— Я. Антон. Софья. Нина — до завершения проверки её статуса.

— Какой проверки?

— Семейной.

— «Свод» не знает семейных проверок. Он знает права.

— Вы удивительно хорошо знакомы с системой, которую увидели впервые.

— Я умею читать экран.

Из коридора донёсся глухой удар, потом ещё один. Софья

крикнула кому-то отойти. Лев направился к двери.

— Оставайтесь здесь.

— Нет.

— Ваш гостевой маршрут сокращён.

— Тогда откройте комнату согласия и останьтесь со мной.

Он остановился. Елена поняла: ему важнее провести её внутрь, чем проверить ворота.

— По регламенту представитель не присутствует, — сказал Лев.

— По регламенту второе согласие даёт живой человек. Пока это единственное правило, которое вы повторяете и одновременно обходите.

На терминале мигнуло предупреждение: до истечения окна подтверждения оставалось четыре минуты. После этого система обещала вернуть резерв в холодный режим, но первое согласие не отзывала.

Лев увидел таймер.

— Войдите. Посмотрите имя. Если оно вас не устроит, ничего не произносите.

— Локальная запись продолжится.

— Внутри запрещены внешние устройства.

— Мой терминал уже зарегистрирован контуром.

— Камера комнаты ведёт собственный протокол.

— Который контролирует ваш дом.

— Который подписывают три узла.

Три узла с тремя разными состояниями. Лев говорил так,

будто это усиливало доказательство.

Елена сняла с запястья рабочий браслет и положила на стол. Терминал оставила включённым, направив камеру на вход. Если дверь закроется, запись покажет хотя бы момент, когда она исчезла из комнаты.

— Не закрывайте внешние створки.

— Тогда система не откроет источник.

— Разумеется.

Она вошла.

Внутри пахло холодным пластиком и чем-то сладким, похожим на засохшие духи. На полу были две пары отметок: взрослые ступни напротив друг друга. Елена встала на ближние. Створки сошлись за спиной, отрезав гул архива.

Белые стены засветились. Камера попросила поднять лицо, потом назвать себя. Елена молчала.

«ЛИЧНОСТЬ ПЕРВОГО УЧАСТНИКА УЖЕ ПОДТВЕРЖДЕНА».

Перед ней возникло полупрозрачное изображение женщины лет пятидесяти пяти. Не запись целиком, а маска проверки: контур лица, глаза, точки движения губ. Под изображением медленно проявилось имя.

ВЕРА АЛЕКСЕЕВНА ВЕТРОВА.

Елена знала это имя. Оно стояло в приложении к договору среди лиц, чьи частные записи следовало удалить. Рядом была дата смерти.

Тринадцатое ноября прошлого года.

Изображение вдохнуло.

— Я, Вера Алексеевна Ветрова, подтверждаю удаление личного слоя Аркадия Михайловича Ветрова в пределах его посмертного распоряжения.

Голос был негромким, низким, с лёгкой хрипотцой. Женщина произнесла фразу без запинки. В конце закрыла глаза и только потом выдохнула.

На стене появилось:

«ПРОВЕРКА ЖИВОСТИ: ПРОЙДЕНА».

«ОЖИДАЕТСЯ ОТВЕТ АРХИВИСТА».

— Открыть протокол источника, — сказала Елена.

— Команда недоступна на этапе согласия.

— Отказать в операции.

— Для отказа назовите причину после звукового сигнала.

Елена дождалась короткого тона.

— Лицо, предъявленное как второй живой участник, принадлежит Вере Алексеевне Ветровой, официально умершей тринадцатого ноября прошлого года. Происхождение записи не установлено. Проверка живости не подтверждена независимым исполнителем. В продолжении операции отказываю до проверки источника.

На секунду стены стали совершенно белыми.

«ПРИЧИНА НЕ СООТВЕТСТВУЕТ УСЛОВИЯМ ОТКАЗА».

— Повторить отказ.

— Отказ доступен при несовпадении личности, отзыве

владельца или угрозе целостности данных.

— Личность не может быть живой и умершей одновременно.

— Проверка живости пройдена.

— Показать дату создания слепка.

— Команда недоступна на этапе согласия.

— Позвать представителя фонда.

— Давление третьих лиц исключено до завершения выбора.

Елена ударила ладонью по створке.

— Лев! Откройте.

Звукоизоляция проглотила его имя. За стеной никто не ответил.

Изображение Веры оставалось перед ней. Теперь оно не двигалось. Елена подошла ближе, насколько позволяли отметки на полу. На шее женщины виднелась цепочка с овальным медальоном. Волосы были убраны за левое ухо, правую сторону лица пересекала тонкая тень. Никакого фона — только маска, вырезанная системой.

Под именем была маленькая стрелка. Елена коснулась её.

Открылось описание проверки: движение зрачков, случайная фраза, тепловая карта, ритм дыхания. Все пункты отмечены зелёным. Но случайная фраза не приводилась. Не было и времени сеанса.

— Показать время проверки живости.

— Семейная приватность ограничивает гостевой доступ.

— Время не является содержимым записи.

— Семейная приватность ограничивает гостевой доступ.

Одинаковая фраза означала не ответ, а закрытую ветку.

Елена присела и посмотрела на нижнюю кромку стены. В углу темнела узкая решётка вентиляции. Сладкий запах шёл оттуда.

Духи Веры могли сохраниться в комнате год. Могли вьестись в фильтр. А могли попасть сюда сегодня.

Таймер над изображением показывал две минуты.

— Если я не дам ответ?

— Первое согласие сохраняется. Окно второго согласия будет открыто повторно по расписанию владельца.

— Когда?

— Через пятнадцать минут.

— Сколько повторов предусмотрено?

— До исполнения распоряжения или завершения срока в ноль часов.

Значит, молчание не останавливало операцию. Оно лишь возвращало её в ту же комнату снова и снова, пока Лев не добьётся нужной формулировки или пока второй голос не сработает без неё.

Елена посмотрела прямо в потолочную камеру.

— Фиксирую угрозу целостности данных. В акте обнаружены три несовпадающих исходных состояния. Второе согласие предъявлено от имени лица, официально признанного умершим. Требую остановить операцию и сохранить все

версии до независимой проверки.

Стены мигнули.

«УГРОЗА ЦЕЛОСТНОСТИ ЗАРЕГИСТРИРОВАНА».

Изображение Веры исчезло.

«ОПЕРАЦИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНА НА ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ».

Створки открылись.

Лев стоял у стола. Рядом с ним появился ещё один мужчина — худой, в рабочем комбинезоне, с мокрыми волосами и раскрытой сумкой инструментов. На правой руке у него была оранжевая защитная перчатка, левая оставалась голой.

— Павел, домашний техник, — представил его Лев. — Он подтвердит, что ошибка связана с миграцией.

— Ничего я пока не подтверждаю, — сказал Павел. Он говорил быстро, проглатывая окончания. — Резерв поднялся сам, западная ветка отстаёт, а кто запустил полное сравнение — я вообще не понимаю.

— Архивист.

Павел посмотрел на Елену.

— Вы дали команду на подъём?

— Я подтвердила личность для сверки. Система засчитала это как первое согласие.

— Так не должно.

— Но произошло.

Лев закрыл нишу с аварийной рукоятью.

— Елена Сергеевна увидела второй голос и решила, что

лучше знает семейные обстоятельства.

— Я увидела Веру Алексеевну.

Павел перестал застёгивать сумку.

За дверью раздался звон металла, затем далёкий женский крик: калитку наконец открыли. Лев даже не повернул головы.

— Вера Алексеевна умерла, — сказал он.

— Поэтому я и остановила операцию.

— Тогда вы должны понимать: перед вами архивный слепок, оставленный при жизни. «Свод» называет живым не человека, а непрерывность подтверждённой личности.

— В регламенте сказано «два живых голоса».

— В бытовом описании.

— В договоре.

Лев взял бумажный акт, перевернул и указал на мелкую строку у нижнего края. Елена прочитала: «Посмертно активный личный слепок владельца согласия признаётся непрерывным при успешной внутренней проверке».

Строка была. Она читала её до приезда и решила, что речь о владельце удаляемого слоя — Аркадии Ветрове. Но владельцем согласия могла считаться Вера.

— Почему её имя закрыто до входа в комнату?

— Чтобы исключить давление.

— Почему в приложении она указана умершей, а система предъявляет её как живую?

— Потому что юристы и архивисты используют разные

слова.

Павел тихо выругался.

— Что? — спросил Лев.

— Ничего. Ворота открыли вручную, но автоматика их не принимает. Мне надо к западному шкафу.

— Сначала объясните расхождение сумм.

— Я их не видел.

Елена повернула к нему экран с тремя значениями.

Павел наклонился. Его голая рука зависла над столом, не касаясь терминала.

— Это не миграция.

Лев сказал:

— Вы ещё не сравнили служебные поля.

— И не надо. При миграции меняется вся подпись контейнера. А тут середины переставлены. Как будто...

Он оборвал себя.

— Как будто что?

— Как будто снимок собирали частями. Но «Свод» так не умеет.

— Вы его обслуживаете, — сказала Елена.

— Железо. Не семейные правила.

— Кто менял резервный узел?

Оранжевая перчатка на его руке сжалась.

— Никто.

— Он даёт третье состояние.

— Потому что поднялся в аварии.

— Только что вы сказали, что это не миграция.

— Авария и миграция — разные вещи.

Лев встал между ними, не заслоня Павла полностью, но возвращая себе центр разговора.

— У нас осталось пятнадцать минут. Елена Сергеевна, вы получили объяснение второго голоса. Павел проверит западную ветку. После этого вы вернётесь в комнату и завершите подтверждение.

— Нет.

— Вы уже связаны договором.

— Договор обязывает меня провести допустимое удаление, а не подтвердить невозможное.

— Что именно невозможно? Вера оставила слепок при жизни. Отец оставил распоряжение при жизни. Оба документа встретились после их смерти — для этого существуют архивы.

— Невозможно проверить происхождение голоса, пока вы скрываете время и исходную запись.

— Личное содержимое Веры не входит в ваш допуск.

— Тогда её согласие не входит в мою операцию.

В коридоре хлопнула дверь. Послышались два женских голоса, один резкий, другой успокаивающий. Нина всё-таки вошла в дом.

На семейной стене в холле сменились фотографии. Елена видела её через открытую дверь: восемь прямоугольников одновременно погасли, затем начали загораться по одному.

Лев перевёл взгляд на часы.

— Подумайте, что окажется в журнале в полночь. Согласие владельцев есть. Распоряжение есть. Исполнитель подтвердил личность, поднял резерв и остановил законную операцию на основании того, что не понял термин.

— В журнале окажутся три суммы и умершая женщина, прошедшая проверку живости.

— Если журнал переживёт шторм.

Елена включила на терминале режим наблюдения. Все кнопки изменения стали недоступны, зато структура операции развернулась полностью. В ней уже существовали две отдельные дорожки: её голосовая фраза в 21:32 и пакет Веры без времени создания. Между ними стоял пустой прямоугольник, ожидающий финального подтверждения.

— Я не продолжу удаление, пока не установлю, откуда взят голос Веры, — сказала Елена. — И почему пакет не имеет времени.

— За пятнадцать минут?

— Начну с комнаты.

— Там нечего проверять.

— Тогда вы ничего не потеряете.

Лев посмотрел на Павла.

— Проводи её. Потом займёшься воротами.

— Мне нужен западный шкаф, — повторил Павел.

— Комната на той же ветке.

Это была первая полезная вещь, которую Лев сказал не

Елене.

Павел поправил оранжевую перчатку и направился к двери. Елена взяла терминал и пошла следом.

В холле у входа стояла промокшая девушка в расстёгнутой куртке. Софья держала её за локоть, Роза вытирала воду с пола. Девушка тяжело дышала и смотрела не на родственников, а на семейную стену.

Там теперь светились семь портретов.

Восьмой прямоугольник оставался чёрным.

— Где моя карточка? — спросила девушка.

Лев ответил из архивной:

— Потом, Нина.

Елена остановилась лишь на секунду. Комната согласия находилась за стеной, западная ветка отставала, а голос умершей пришёл без времени. Чтобы понять, кто произнёс согласие, ей предстояло проверить не запись.

Сначала — часы, которые её создали.

Глава 3. Пустой портрет

Нина не отводила глаз от чёрного прямоугольника.

Семейная стена занимала почти весь простенок между лестницей и дверью столовой. Семь лиц плавали в тёплом свете: Аркадий Ветров, Вера, Лев, Софья, Антон, двое старших родственников, которых Елена не успела запомнить по приложению к договору. Восьмая рамка сохраняла пропорции портрета, но внутри не было ни фотографии, ни имени. Только ровная темнота.

— Где моя карточка? — повторила Нина.

Лев вышел из архивной и встал так, чтобы видеть одновременно стену, Елену и часы над входом.

— Дом работает в аварийном режиме. Изображения пропадают при потере связи.

— Моё пропало, остальные на месте.

— Ты вошла через механическую калитку. Контур ещё не обновился.

Нина вытащила из кармана плоскую белую карту. На одном углу поблёскивала серебряная буква «В». Карта была мокрой, но неповреждённой.

— Калитка узнала меня до того, как отключилась. А дом — вдруг нет?

— Калитку открыл садовник вручную, — сказала Софья.

Она всё ещё держала Нину за локоть. Не поддерживала —

удерживала на месте. Нина высвободилась, стянула промокшую куртку и бросила её на банкетку.

— Спросите у стены, — сказала она Елене. — Вы ведь для этого приехали?

— Она приехала удалить архив отца, — отрезал Лев. — Не обслуживать твои семейные претензии.

— Мои семейные претензии хотя бы признают, что я член семьи.

Павел уже дошёл до лестницы в служебный коридор. Он обернулся на погасшую рамку, потом на свой рабочий браслет.

— Западная ветка догнала на четыре минуты, — сказал он. — Была задержка почти семь.

— «Почти» или семь? — спросила Елена.

— Сейчас четыре двадцать. Пока резерв прогревается, плавает.

— Часы не должны плавать вместе с содержимым.

— Они и не плавают. Метка доставки отстаёт от метки события.

— В комнате согласия не было ни той, ни другой.

Павел провёл большим пальцем по краю оранжевой перчатки. Резина на сгибе была светлее, будто её недавно растягивали.

— Там отдельный контроллер, — сказал он. — Посмотрим журнал.

— Не посмотрите, — вмешался Лев. — Пауза дана для

проверки источника голоса. Семейная стена к операции не относится.

Елена подняла терминал. В режиме наблюдения схема дома показывала комнату согласия, архивную и холл как три разных устройства, подключённых к одной западной ветке. Между ними бежали серые линии событий. У комнаты и стены линии обрывались на одной и той же минуте.

— Относится, если часы общие. Сначала я устанавливаю время источника. Потом возвращаюсь к голосу.

— У вас осталось одиннадцать минут.

— Значит, не мешайте.

Лев улыбнулся без удовольствия.

— Вы быстро осваиваетесь в чужом доме.

— Я осваиваюсь в журнале, который должен подписать своим именем.

Елена подошла к стене. Чёрная рамка не реагировала на движение, хотя остальные портреты чуть поворачивались вслед за зрителем. У Аркадия менялся угол света на лице; Вера едва заметно улыбалась; Софья смотрела в сторону окна. Это были не живые слепки, а короткие семейные петли, собранные для холла.

Под рамками шла узкая световая полоса. Елена коснулась её двумя пальцами.

«ГОСТЕВОЙ ДОСТУП. ПРОСМОТР СОСТАВА ОГРАНИЧЕН».

— Показать состояние восьмой карточки.

«КАРТОЧКА НЕ НАЗНАЧЕНА».

— Показать предыдущее назначение.

«ИСТОРИЯ СОСТАВА ЯВЛЯЕТСЯ СЕМЕЙНЫМ СОДЕРЖИМЫМ».

— Показать время последнего изменения без содержания.

Полоса мигнула.

«ПОСЛЕДНЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ: 21:29».

Елена посмотрела на часы над входом. Они показывали 21:41. Её первое подтверждение было записано в 21:32. Если часы стены шли по общему времени, карточка изменилась за три минуты до её голоса.

— Нина, когда вы в последний раз видели свой портрет?

— Перед отъездом. Около семи.

— Точно свой?

— Я не перепутаю себя с дядей Львом.

— Ты могла не смотреть на стену, — сказал Лев.

— Я остановилась здесь и отправила матери фотографию.

В холле стало тихо. Даже дождь за высокими окнами как будто отступил на шаг.

Софья первой повернулась к Нине.

— Какой матери?

Нина слишком поздно поняла, что сказала. Она сжала карту между пальцами.

— Это не ваше дело.

— Вера умерла, — произнёс Лев. — Если ты продолжа-

ешь писать на её старый адрес, это не делает переписку настоящей.

— Я сказала «матери», а не «Вере».

— В этом доме это одно имя.

Нина посмотрела на Елену. В её лице страх смешался с вызовом, но просьбы о помощи не было. Она явно не собиралась объяснять семейную оговорку при всех.

Елена вернулась к метке.

— Павел, какое время считает правильным центральный узел?

— Главный сейчас совпадает с холлом. Резерв отстаёт.

— Комната согласия?

— Получает время с западного распределителя.

— Не «получает». Что именно записывает контроллер, когда ветка отстаёт?

Павел недовольно повёл плечом.

— Локальное событие и время приёма главным узлом. Две метки.

— На экране мне не показали ни одной.

— Значит, пакет пришёл как заверенный. В заверенном пакете внутреннее время можно закрыть правилом приватности.

— Но время приёма остаётся служебным.

— Должно.

— Можно добраться до него через журнал стены?

Он посмотрел на Льва. Тот не кивнул и не запретил. Про-

сто ждал.

— Стена хранит календарные петли, — сказал Павел. — Если карточка меняется, она пересобирает ближайшие семейные события. Можно открыть очередь доставки. Без фотографий, только типы контейнеров.

— Откройте.

— У меня нет прав на семейный слой.

— А у кого есть?

Нина подняла карту.

— Были у меня.

Лев вздохнул.

— Её карта действует только для жилого крыла и личного календаря. Технические журналы ей недоступны.

— Личный календарь связан со стеной? — спросила Елена.

Павел ответил не сразу:

— Стена показывает семейный состав через события. Дни рождения, приезды, общие ужины. Если у карточки нет активных событий, она остаётся, просто уходит в фон. Совсем исчезает только при смене статуса.

— То есть потеря связи этого не объясняет.

— Нет.

Лев посмотрел на него так, словно запоминал не ответ, а нарушение субординации.

Нина подошла к двери жилого крыла под лестницей. Рядом с ручкой был узкий считыватель. Она приложила карту.

Мягкий белый свет сменился красным.

«МАРШРУТ НЕДОСТУПЕН».

Она приложила ещё раз.

«ОБРАТИТЕСЬ К ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ДОМА».

— Представитель дома здесь, — сказала Нина, глядя на Льва. — Пусть объяснит.

— В аварийном режиме жилое крыло закрыто для гостей.

— Я не гость.

— Карта считает иначе.

— Карта считает то, что ей велели.

Лев протянул руку.

— Дай её мне.

Нина спрятала карту в кулак.

— Чтобы она исчезла окончательно?

Софья встала между ними.

— Хватит. Нина может переночевать в синей гостевой.

Утром разберёмся.

— До утра её может не остаться и в гостевой, — сказала Елена.

Все посмотрели на неё.

Она развернула терминал так, чтобы Павел видел схему, но не содержимое договора.

— Изменение состава отмечено в 21:29. Моё подтверждение — в 21:32. Однако главный узел получил часть событий западной ветки с задержкой. Если система сортирует их по времени приёма, более ранняя команда могла оказаться ря-

дом с моей и выглядеть её следствием.

— Вы ничего не удаляли, — сказал Лев.

— Именно. Поэтому нам нужна операция, которая заведомо не касается статуса. Маленькая, обратимая и с известным объёмом. Тогда мы увидим, что меняется вместе с ней.

— Операция удаления приостановлена.

— Удаление личного слоя Аркадия приостановлено. Календарь Нины — отдельный контейнер.

Нина насторожилась.

— Что вы хотите удалить?

— Ничего важного. Один отклонённый календарный ответ, если вы разрешите. Например, событие, на которое вы не пришли. Сначала измерим контейнер, затем удалим только его локальную копию со стены. Исходник останется на вашей карте.

— А если вы ошибаетесь?

Елена не стала отвечать «не ошибусь».

— Тогда мы восстановим локальную копию с карты и зафиксируем мою ошибку. Но сейчас ваш статус уже изменён, и никто не показывает почему.

Нина покосилась на чёрную рамку.

— Ужин в прошлое воскресенье. Я отказалась. Там только ответ «не приду».

— Не надо, — сказала Софья.

— Почему?

— Потому что всё, к чему она прикасается, становится

частью проверки.

— Я уже часть проверки. Просто без лица.

Нина протянула карту Елене, не Льву.

Терминал распознал её как личный носитель, но вместо имени вывел длинный номер и статус «внешний участник». Елена не скрыла экран.

— Раньше что было написано? — спросила она.

— «Нина Ветрова. Семейный уровень два».

— Когда вы пользовались картой в жилом крыле?

— Сегодня утром. Вышла из своей комнаты, спустилась сюда, уехала.

— На карте есть автономный журнал?

— Последние двадцать проходов, — сказал Павел. — Если не затёрли правилом.

Елена открыла журнал. Утренний проход в жилое крыло был на месте: 08:17, разрешено. Следом — выход через главный холл в 08:24. В 21:38 механическая калитка значилась не как проход, а как «неподтверждённое присутствие рядом с контуром».

Между ними лежала строка без времени:

«ИЗМЕНЕНИЕ МАРШРУТА: СЕМЕЙНЫЙ → ГОСТЕВОЙ».

— Кто имеет право менять маршрут? — спросила Елена.

— Управляющий, владелец карты и семейное правило, — ответил Павел.

— Я не меняла, — сказала Нина.

— Покажите подпись правила.

Павел наклонился ближе.

— Подпись закрыта, пока карта вне доверенного крыла.

Нина коротко рассмеялась.

— Чтобы узнать, почему меня не пускают, я должна сначала войти туда, куда меня не пускают.

— Хорошее семейное правило, — сказала Роза.

Это были её первые слова с тех пор, как Нина вошла. Она стояла у банкетки с мокрой курткой в руках. Лев повернулся к ней.

— Роза, займитесь полом.

— Уже вытерла.

— Тогда принесите полотенце.

— Уже принесла.

На спинке стула действительно лежало серое полотенце. Роза не двинулась.

Елена выбрала календарь. На карте сохранились только заголовки ближайших событий. «Семейный ужин» был отмечен прошлым воскресеньем; ответ Нины занимал сорок восемь байтов, локальная карточка стены вместе со служебной оболочкой — тысячу девятьсот двадцать.

— Фиксирую исходное состояние, — сказала Елена. — Удаляется локальная копия одного ответа объёмом тысяча девятьсот двадцать байтов. Исходник на карте сохраняется. Состав семьи, права доступа, маршруты и идентификатор карты не входят в область операции.

Терминал попросил согласие владельца карты. Нина прочитала формулировку дважды.

— Почему здесь написано «связанные представления могут быть обновлены»?

— Потому что стена должна убрать ваш ответ из своей календарной петли. Обновление представления не даёт права менять исходные данные.

— В этом доме слова любят означать что-нибудь ещё.

— Поэтому я произнесла область вслух. Если система выйдет за неё, это будет видно в записи.

Нина приложила палец к краю карты.

«СОГЛАСИЕ ПОЛУЧЕНО».

Елена включила на терминале отдельную камеру и навела её одновременно на семейную стену, карту и часы холла.

— Павел, назовите время главного узла.

— Двадцать один сорок пять ноль шесть.

— Время западной ветки.

— Двадцать один тридцать восемь двенадцать.

Разница составляла шесть минут пятьдесят четыре секунды.

— Выполнить удаление локальной копии ответа.

На стене дрогнули семь портретов. Под ними появилась тонкая белая линия, прошла слева направо и погасла.

«УДАЛЕНО: 1 ОБЪЕКТ».

«ОБЪЁМ: 1 920 БАЙТОВ».

В тот же миг карта в руке Елены потемнела. Серебряная

буква «В» исчезла, будто её стёрли растворителем. Считыватель у двери жилого крыла коротко пискнул и перешёл из красного в глухой серый.

Чёрная рамка на стене сжалась. Остальные семь раздвинулись, заняв освободившееся место.

Теперь пустого портрета не было.

Было только семь членов семьи.

— Верните, — сказала Нина.

Елена уже открывала протокол операции.

— Не трогайте карту.

— Вы сказали, что удалите ответ.

— Ответ удалён. Изменение карты — другая операция.

— Она у вас в руках.

Нина шагнула вперёд, но Павел выставил голую ладонь.

— Подожди. Если сейчас вынуть её из поля, потеряем слуховой хвост.

— Какой ещё хвост?

— Тот, который докажет, что это не она.

Лев подошёл к терминалу.

— Вы сами запросили обновление связанных представлений.

— Представление — это календарная строка на стене.

Маршрут и семейный статус являются исходными правами.

— Для «Свода» семейный состав тоже представление.

— Тогда покажите исходный реестр, из которого он собран.

— У вас нет допуска.

— Но моей подписью только что прикрыли его изменение.

Елена увеличила журнал. Первая строка показывала ровно заявленное удаление: один объект, тысяча девятьсот двадцать байтов, команда Елены в 21:45:11. Под ней возникла серая теневая дельта без содержимого.

«ПЕРЕСБОРКА СВЯЗЕЙ: 14 ОБЪЕКТОВ».

«ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВ: 3 МАРШРУТА».

«ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ: 1 СУБЪЕКТ».

Общий объём не приводился. Источником стояло «семейное правило», а время события было 21:38:17 — на шесть минут пятьдесят четыре секунды раньше команды Елены. Время приёма главным узлом совпадало с удалением до сотой доли секунды.

Павел тихо сказал:

— Вот оно.

— Что? — спросила Нина.

— Западная ветка держала изменение у себя. Команда календаря заставила главный узел принять очередь. Ваш статус поменяли раньше, но дом показал это сейчас.

— Кто поменял?

— Подпись правила закрыта.

— Откройте, — приказал Лев.

Павел коснулся журнала своим браслетом. Ответ пришёл мгновенно:

«НЕДОСТАТОЧНО ПРАВ».

— Не могу.

— Тогда не делайте выводов.

— Вывод уже в двух временах, — сказала Елена. — Моя команда не могла вызвать событие, которое западный контроллер записал почти за семь минут до неё.

— Если часы контроллера неверны, могла.

— Тогда неверно и время голоса Веры. Вы не можете одновременно ссылаться на точность заверенного слепка и объявлять часы его ветки ошибочными.

Лев посмотрел на неё с новым вниманием. До этого он считал её неудобной исполнительницей. Теперь оценивал как противника.

— Вы намеренно провели операцию на семейном устройстве во время аварии, — сказал он. — Результат будет записан именно так.

— И рядом будет записана область: тысяча девятьсот двадцать байтов календаря. Четырнадцать связей, три маршрута и одна роль в неё не входят.

— «Свод» исполняет причинные правила, а не ваши бытовые представления об объёме.

— Причина обязана следовать раньше следствия.

Павел приблизил карту к своему браслету, не касаясь её.

— Локальный ключ Нины ещё здесь. И журнал утреннего прохода. Карта физически та же, только доверенный сертификат отозван.

— Можно вернуть? — спросила Нина.

— Если найдём правило и отменим его до синхронизации.

— А если не найдём?

Он проглотил окончание ответа, но смысл остался ясным.

— После полуночи главный узел разошлёт состояние остальным.

— И я стану гостем в своей комнате?

— Для дома уже стала.

Нина повернулась к Льву.

— Это ты.

— Если бы я менял твой статус, мне не понадобилась бы архивистка.

— Она понадобилась, чтобы все решили, будто это сделала она.

Лев не повысил голос.

— Ты отсутствовала в доме несколько месяцев, пользовалась семейным именем, когда тебе было удобно, и отказалась приехать к отцу до его смерти. Возможно, система наконец исполнила условие, которое ты сама приняла.

— Какое условие?

— Ты лучше знаешь свои договоры.

Нина побледнела. Ответ попал в цель, хотя Елена не понимала почему.

Софья снова взяла её за локоть, теперь осторожнее.

— Есть соглашение об участии в фонде, — сказала она.

— Там действительно могли быть условия проживания.

— Я ничего не подписывала после смерти отца.

— Правило могло действовать раньше, — заметил Лев.

— Тогда почему утром карта открывала дверь?

Лев не ответил.

Елена сохранила структурную дельту в рабочем контейнере. Содержимого там не было: только типы объектов, две временные метки, область её команды и факт несовпадения. Контракт разрешал выносить технический акт, но Лев наверняка попытается назвать даже его семейной тайной.

На экране всплыло напоминание:

«ПАУЗА ОПЕРАЦИИ: 02:14».

Через две минуты комната согласия снова потребует её голос.

— Павел, можно сравнить две метки у пакета Веры тем же способом?

— Если заставить западную ветку отдать служебную очередь.

— Мы только что заставили.

— Не всю. Календарь вытолкнул события стены. Комната держит свой контейнер.

— Что его вытолкнет?

Павел посмотрел в сторону архивной.

— Повторное открытие окна согласия.

— То есть через две минуты.

— Да.

— Тогда мы увидим, когда пакет Веры поступил на западный контроллер и когда дошёл до главного.

Лев встал перед дверью комнаты согласия.

— Никаких новых экспериментов. Пауза заканчивается, вы либо завершаете законную операцию, либо я фиксирую отказ исполнителя.

— Фиксируйте. Но сначала сохраните текущее состояние всех трёх узлов.

— На каком основании?

Елена показала журнал.

— Заявленное удаление одного календарного ответа совпало по времени приёма с изменением четырнадцати связей, трёх маршрутов и семейной роли, записанным почти за семь минут до моей команды. Это причинный разрыв и угроза целостности. С этого момента любое удаление уничтожает доказательство последовательности.

— Вы сами создали этот разрыв.

— Нет. Я сделала его видимым.

Где-то в глубине дома прозвучал негромкий удар, словно закрылась тяжёлая дверца. Павел вскинул голову.

— Западный шкаф.

На его браслете вспыхнуло оранжевое предупреждение.

«РЕЗЕРВНЫЙ УЗЕЛ: КОРПУС ОТКРЫТ».

— Кто там? — спросила Софья.

Павел уже бежал к служебному коридору.

Лев не сдвинулся с места.

Елена посмотрела на его старый латунный ключ. Тот лежал теперь не в ладони, а исчез в кармане пиджака.

На стене оставалось семь лиц. Система аккуратно выровняла расстояния между ними, будто восьмой рамки никогда не существовало.

Таймер паузы дошёл до нуля.

Из комнаты согласия донёсся мягкий звуковой сигнал.

«ОКНО ВТОРОГО СОГЛАСИЯ ОТКРЫТО».

Следом терминал Елены принял задержанный служебный пакет. В нём не было голоса Веры — только две отметки времени.

Западный контроллер зарегистрировал источник в 21:25.

Главный узел получил его в 21:32, одновременно с голосом Елены.

Пакет умершей женщины ждал её ещё до того, как она вошла в дом.

Глава 4. Право гостя

Лев закрыл дверь комнаты согласия прежде, чем система успела повторить приглашение.

— Окно останется открытым десять минут, — сказал он.
— За это время вы решите, исполняете договор или покидаете проект.

— Покинуть дом я тоже могу?

— Когда автоматика восстановит внешний контур.

— Значит, выбор только на словах.

Из служебного коридора донёсся голос Павла. Он кому-то приказал отойти от шкафа, потом выругался. Ответа Елена не слышала.

Нина протянула руку за картой.

— Теперь отдайте.

Елена сохранила журнал чтения и вернула носитель. Серебряная буква не появилась. Нина сразу приложила карту к двери жилого крыла. Считыватель остался серым.

— Для гостей синяя комната, — сказал Лев.

— Не называй меня гостьей.

— Дом уже назвал.

— Дом не говорит сам.

— Тогда спроси у своего договора.

Нина шагнула к нему, но Софья снова оказалась между ними.

— Лев, открой её комнату своим ключом.

— Механический доступ в жилое крыло отключён пожарным протоколом.

— Ты только что спрятал механический ключ.

На мгновение Лев посмотрел на карман. Этого хватило.

— Ключ от архивной ниши, — сказал он. — К комнатам он отношения не имеет.

Нина подняла карту перед его лицом.

— Верни мой статус.

— Я не менял его.

— Тогда тебе нечего бояться журнала.

— Мне надоело, что каждый сбой в этом доме превращают в семейный суд.

— Потому что ты назначил себя судьёй.

Лев повернулся к Елене.

— В архивную. Разговор без публики.

— Всё, что касается моей операции, фиксируется.

— Фиксируйте.

Он распахнул дверь и пропустил её первой. Елена вошла, но оставила створку открытой. Лев закрыл её сам. Замок не щёлкнул; тонкая полоска света осталась у порога.

На центральном экране «Свода» снова появился пустой прямоугольник второго подтверждения. Первый голос Елены светился зелёным. Рядом с ним система больше не показывала время — только подпись рабочего сертификата.

— Вы приехали за сто восемьдесят тысяч, — сказал Лев.

— Половина после подписания акта.

— Я читала договор.

— Тогда знаете, что при отказе по вине исполнителя аванс возвращается, расходы компенсируются, а нарушение уходит в реестр лицензирования.

— Если операция допустима.

— Она допустима. Посмертное распоряжение Аркадия, слепок Веры и ваш сертификат соответствуют условиям.

— Мой сертификат не был согласием на удаление.

— Это ваша трактовка.

Лев вынул из папки второй лист. Не договор — дополнительное соглашение с незаполненной суммой.

— Я удваиваю вознаграждение. Триста шестьдесят тысяч. Вы завершаете личный слой Аркадия, подписываете техническое расхождение как задержку западной ветки и больше не касаетесь статуса Нины.

Елена не взяла лист.

— Вы хотите купить формулировку причины до проверки причины.

— Я хочу отделить оплаченный заказ от семейной истерики.

— Семейная истерика не меняет три маршрута доступа.

— Нина могла сама активировать условие договора.

— В 21:38, когда стояла за воротами?

— У неё работала связь.

— Связь не даёт управляющей подписи.

— Её личный ключ мог запустить правило.

— Тогда откройте подпись.

Лев положил дополнительное соглашение на стол и аккуратно выровнял его по краю.

— Вы цифровой архивист, Елена Сергеевна. Не семейный адвокат и не следователь. Ваша работа — подтвердить целостность выбранного слоя, удалить его по воле владельца и составить акт. Вы нашли задержку доставки. Павел исправит часы. На этом ваша компетенция заканчивается.

— Целостность не заканчивается там, где начинается неудобный смысл.

— Красиво. Но лицензионная комиссия читает не красивые фразы.

Он коснулся экрана своего телефона. На нём открылся скан старого решения: фамилия Елены, номер взыскания, дата. Она узнала документ раньше, чем различила строки.

Два года назад в архиве строительной компании она решила слияние копий, потому что два администратора заверили её, что различия вызваны переносом. Через неделю выяснилось: одна копия содержала переписанную дату приёмки здания. Елена сохранила исходные контейнеры, но не зафиксировала порядок команд. Этого хватило, чтобы ответственность разделили между всеми и полностью оставили на ней.

— При повторном нарушении вам приостановят лицензию, — сказал Лев. — Мастерская не переживёт трёх меся-

цев без заказов. Ваш долг, насколько я понимаю, тоже.

— Откуда вы знаете сумму долга?

— Я не называл сумму.

Он улыбнулся. Елена почувствовала злость на себя — не за страх, а за то, что показала, куда попал удар.

— Вы проверяли меня до заказа.

— Разумеется. Отец требовал исполнителя с опытом спорных миграций.

— Или с готовым взысканием.

— Это одно и то же только для человека, который уже решил видеть заговор.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошёл Павел. Оранжевая перчатка теперь торчала из кармана комбинезона; обе руки были голыми.

— Корпус открылся аварийным рычагом, — сказал он. — Внутри никого. Задняя панель тёплая.

— Кто был у шкафа?

— Никого не поймал. Дверь в технический коридор закрылась передо мной.

— Камеры?

— Западная ветка.

— Конечно, — сказал Лев.

— Но датчик корпуса локальный. Он записал открытие в двадцать один тридцать девять.

Елена посмотрела на часы. По главному узлу предупреждение пришло в 21:47.

— Снова разница?

— Семь минут с мелочью. Пока бежал, очередь догрузилась.

— Покажите.

Павел вывел на её терминал только служебную строку. Локальная метка: 21:39:02. Приём главным узлом: 21:46:01. Разрыв — шесть минут пятьдесят девять секунд.

— У стены было шесть пятьдесят четыре, — сказала Елена.

— Контроллеры синхронизируются не одновременно. Но диапазон тот же.

— Что произошло с резервом после открытия?

— Ничего. Накопитель на месте, пломба целая.

— Пломба ваша?

— Фонда. Я ставил её после обслуживания в феврале.

— Серийный номер сверили?

Павел замолчал.

— Сверили? — повторила Елена.

— Маркировка снаружи совпадает.

— А внутренний идентификатор?

— Чтобы его прочесть, надо остановить узел.

— Останавливайте.

— Нельзя во время операции, — сказал Лев.

— Операция приостановлена из-за угрозы целостности.

— Пауза закончилась.

Экран подтвердил его слова: окно второго согласия было

открыто, первый голос всё ещё принят. Система ждала Елену.

— Если резерв заменить, сохранив корпус и пломбу, внешний номер останется прежним? — спросила она Павла.

— Пломбу пришлось бы снять.

— Или вынуть весь корпус из стены.

Павел посмотрел на неё. Потом медленно сказал:

— Ниша не позволяет отсоединить задний разъём, пока закрыт нижний фиксатор.

— А кто может открыть фиксатор?

— Аварийный ключ управляющего.

Из холла донёсся голос Нины:

— Тот, который не имеет отношения к комнатам?

Она стояла за дверью. Лев распахнул её.

— Подслушивать в собственном доме неприлично. В гостях — тем более.

— Я не подслушивала. Вы оставили щель.

— Иди в синюю комнату.

— Моя комната наверху.

— Больше нет.

Слова прозвучали слишком быстро. Софья, стоявшая позади Нины, закрыла глаза.

Елена спросила:

— Вы только что признали, что изменение не сбой?

— Я признал состояние системы. До выяснения Нина имеет гостевой доступ.

— У неё нет даже гостевого маршрута в синюю комнату,
— сказал Павел. — Сертификат отозван целиком.
— Создай временный.
— Главный узел не выдаёт новые права, пока открыта операция удаления.

— Тогда пусть архивист завершит её.

Все пути снова сходились к голосу Елены. Не случайность, а устройство ловушки: пока операция открыта, нельзя вернуть Нине доступ; чтобы закрыть операцию, Елена должна подтвердить удаление; после подтверждения журнал свяжет новые изменения с её сертификатом.

Она включила запись.

— Фиксирую предложение управляющего семейным фондом Льва Ветрова увеличить вознаграждение с первоначальной суммы до трёхсот шестидесяти тысяч рублей при условии, что задержка западной ветки будет указана причиной расхождений до завершения проверки.

Лев резко накрыл терминал ладонью.

— Я не давал согласия на запись частного разговора.

— Вы дали его в пункте восемь договора: все указания представителя фонда по операции входят в технический протокол.

— Предложение оплаты не является указанием.

— Условие формулировки акта является.

Он убрал руку.

— Тогда фиксируйте и свой отказ от законного распоря-

жения.

— Фиксирую отказ продолжать необратимое удаление до сохранения состояний трёх узлов и раскрытия источника изменения прав Нины Ветровой.

— Она не Ветрова, — сказал Лев.

Нина перестала дышать на секунду.

— Повтори.

Лев посмотрел не на неё, а на камеру терминала.

— В текущем реестре семейного фонда субъект с её идентификатором отсутствует. До предъявления иных документов я не могу признавать её членом семьи.

— Ты знал, что карточка исчезнет.

— Я вижу тот же экран, что и вы.

— Нет. Ты ждал этого.

Нина бросилась к столу и схватила бумажный акт. Лев перехватил лист, но она успела увидеть приложение.

— Моё имя там есть?

Елена помнила список: Нина Ветрова значилась среди лиц, чьи частные записи попадали в область удаления Аркадия.

— Есть, — сказала она.

— Значит, для удаления я семья, а для комнаты — нет.

Лев выдернул акт из её руки.

— Приложение составлено до обновления реестра.

— Когда обновили?

— Сегодня.

— В какое время?

Он промолчал.

Елена открыла принятую теневую дельту. Она не содержала имени Нины, но связывала один субъект с тремя маршрутами и четырнадцатью объектами. Среди типов объектов были «карта доступа», «семейная стена», «календарное представление», «доля участия» и «право свидетельства».

Последние два типа раньше не показывались.

— Павел, почему дельта раскрыла дополнительные категории?

— Главный узел закончил индексировать связи.

— Можно сохранить её без содержимого?

— В рабочем контейнере уже сохранили.

— Он зависит от текущей сессии?

— Да. Закроете заказ — контейнер войдёт в акт. Откажетесь — через час очистится как гостевой кэш.

— Экспорт структуры?

— Только на сертифицированный носитель исполнителя. Но система сейчас считает ваш носитель частью операции. Копирование потребует второго подтверждения.

— Чьего?

— Представителя фонда.

Лев забрал со стола дополнительное соглашение.

— Которого вы не получите.

Елена посмотрела на серую дельту. Если оставить её в кэше, Лев дожждётся очистки. Если включить в акт, придётся

закрыть заказ, и «Свод» сможет представить изменения как часть её работы. Копия требовала подписи человека, заинтересованного в её исчезновении.

Но теньевые дельты хранились на трёх узлах. Они не восстанавливали содержимое, только порядок вмешательств. Сам договор требовал сверить узлы перед удалением. Для сверки не нужен экспорт — достаточно не дать им синхронизироваться.

— Павел, что произойдёт, если перевести главный узел в режим расхождения?

Он насторожился.

— Ничего хорошего. Каждый узел заморозит свою очередь до ручной сверки.

— Дельты сохранятся?

— Да.

— Удаление продолжится?

— Нет. Но режим включается только при доказанном несовпадении состояний.

Елена вывела три контрольные суммы: две из акта и третью с резерва. Затем добавила временные метки стены и корпуса. Система подсветила различия янтарным, но не признала критическими.

— Ей нужен конфликт одного объекта, — понял Павел.

— Одинаковый идентификатор, разные состояния на узлах.

— Карта Нины.

Он быстро открыл служебный просмотр. Главный узел

считал карту внешней. Западный контроллер — отозванной. Резерв ещё показывал прежнее состояние: «Нина Ветрова, семейный уровень два».

Три версии одной личности.

— Не смейте, — сказал Лев.

Елена приложила свой рабочий сертификат к терминалу.

— Запросить ручную сверку субъекта без изменения содержания.

«ОБНАРУЖЕНО НЕСОВПАДЕНИЕ СОСТОЯНИЙ».

«ГЛАВНЫЙ УЗЕЛ: ВНЕШНИЙ УЧАСТНИК».

«ЗАПАДНЫЙ КОНТРОЛЛЕР: СЕРТИФИКАТ ОТОЗВАН».

«РЕЗЕРВНЫЙ УЗЕЛ: СЕМЕЙНЫЙ УРОВЕНЬ 2».

— Отменить запрос, — приказал Лев.

— Команда представителя зарегистрирована, — ответил «Свод». — Отмена требует подписи архивиста.

Лев повернулся к Елене.

— Вы понимаете, что делаете?

— Сохраняю состояния до проверки.

— Вы блокируете распоряжение владельца.

— Владелец не может распорядиться тремя разными версиями одного человека как одной целой.

— Подпишите отмену.

— Нет.

На экране погас зелёный прямоугольник её первого голоса.

«ОПЕРАЦИЯ УДАЛЕНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНА ДО РУЧНОЙ СВЕРКИ».

«ТЕНЕВЫЕ ДЕЛЬТЫ ЗАЩИЩЕНЫ ОТ ОЧИСТКИ».

«АВТОМАТИЧЕСКАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ ЗАПРЕЩЕНА».

Нина прижала карту к груди. На ней по-прежнему не было серебряной буквы, дверь наверх оставалась закрытой, а семь портретов не раздвинулись. Елена не вернула ей место в доме. Она только не позволила стереть доказательство того, что оно было.

Лев сложил дополнительное соглашение пополам, потом ещё раз.

— Триста шестьдесят тысяч вам уже не помогут, — сказал он. — После этой ночи у вас не будет мастерской.

— Возможно.

Елена вынула из терминала рабочий носитель и оставила его в прозрачном кармане на груди. Структурная дельта теперь была закреплена не только там, но и на трёх разошедшихся узлах.

— Зато в акте будет правильный порядок событий.

Из служебного коридора снова донёсся удар. На этот раз — два коротких и один длинный, словно кто-то стучал изнутри стены.

Павел побледнел.

— За шкафом нет помещения.

Роза, стоявшая в дверях, сказала:

— На старом плане было.

Глава 5. Тёплая ниша

Роза не стала объяснять, почему помнит комнату, которой нет. Она забрала со стола бумажный акт, свернула его вдоль старого сгиба и пошла в служебный коридор.

— План был до перестройки, — бросил Лев ей вслед. — Стену заложили двадцать лет назад.

— Тогда стучит кладка, — сказала Роза.

Стук повторился: два коротких, один длинный. Не просьба о помощи. Скорее проверка — слышали ли снаружи.

Павел первым вышел из архивной. Елена догнала его у западного шкафа. Здесь коридор сужался, стены были обшиты тёмным деревом, а воздух пах мокрой пылью и холодным металлом. Дверца шкафа стояла открытой. Внутри за прозрачным экраном светились три вертикальные полосы: питание, охлаждение, ручная сверка. Последняя мигала янтарным.

На Павле снова были обе оранжевые перчатки.

— Не трогайте ничего, — сказала Елена.

— Я и не собирался.

Он произнёс это слишком быстро и спрятал руки за спину.

Нина остановилась у входа в коридор. Лев удерживал её за локоть, будто помогал не поскользнуться, но пальцы лежали жёстко. Софья встала рядом. Роза принесла из кладовой складной фонарь и тонкий ключ с квадратной бородкой.

— Откуда это? — спросил Лев.

— От дома, — ответила она.

— У дома нет своих ключей.

— Поэтому они всегда у тех, кто убирает после хозяев.

Елена включила на терминале локальную запись осмотра.

Внешнего канала не было, но файл получил метку её рабочего носителя и текущие состояния трёх узлов.

— Время осмотра — двадцать один пятьдесят три, — сказала она. — Режим ручной сверки активен. Любое действие с корпусом фиксируем до касания. Павел, покажите внешний номер.

Он наклонился к шкафу, не касаясь рамы. Маркировка на резервном блоке совпадала с бумажным актом: РВ-04-17. Серебристая пломба фонда пересекала крышку и корпус без видимого разрыва.

— Теперь температуру поверхности.

Павел вынул бесконтактный датчик.

— Девятнадцать и восемь.

— Температура ниши?

Он направил луч на металлическую стенку рядом.

— Одиннадцать и два.

— Разница почти девять градусов.

— Корпус греется при работе.

— В паспорте узла какая рабочая разница?

— До четырёх.

Лев отпустил руку Нины.

— Погодная автоматика могла снизить охлаждение.

— Тогда тёплыми были бы и крепления, — сказала Елена.

Верхняя направляющая показывала двенадцать градусов.

Нижняя — двенадцать с половиной. Сам корпус остывал от-дельно от стены.

Елена приблизила ладонь, не прикасаясь. От металла шло слабое тепло, как от вещи, которую недавно принесли с ули-цы в прохладный подвал.

— Его вынимали, — сказала она.

Павел покачал головой.

— Не обязательно. Если отключали контур блока, он мог нагреться на месте.

— Контур отключали?

— В журнале нет.

— А механически?

— Я не вынимал резерв.

Елена оставила его ответ в записи и присела перед ниж-ним фиксатором. Замочная скважина была скрыта под рези-новой заглушкой. На её краю темнела свежая царапина. В углублении застряло тонкое оранжевое волокно.

Она не стала вытаскивать его пальцами.

— Роза, дайте свет ниже.

Луч лёг поперёк крепления. Волокно оказалось не нит-кой, а узкой лентой синтетической ткани с чёрной подплав-ленной точкой на конце.

Все посмотрели на руки Павла.

Он медленно перевернул ладони. На правой перчатке возле основания большого пальца виднелся свежий разлохмаченный надрез.

— Снимите её, — сказала Елена.

— Зачем?

— Чтобы вы не повредили след.

— Вы не следователь.

— Нет. Поэтому я не забираю вашу вещь и не называю во-
локну доказательством преступления. Я фиксирую, что ма-
териал на креплении похож на материал вашей перчатки, а
вы пытаетесь уйти от шкафа в момент осмотра.

Павел остался на месте. Снял перчатку за манжету и по-
ложил на полку рядом с фонарём.

— Эти перчатки лежат в каждом аварийном ящике, —
сказал он. — Одинаковые.

Роза посмотрела на обнажённую руку. На костяшках были
неглубокие старые ожоги, а на указательном пальце — свет-
лая полоса от кольца, которого он не носил.

— В этом крыле один ящик, — сказала она. — Я прове-
ряла его после обеда. Пара была целая.

— Я мог порезать свою раньше.

— Могли, — согласилась Елена. — Когда вы в последний
раз открывали нижний фиксатор?

Павел посмотрел на Льва. Не за разрешением — чтобы
понять, сколько тот уже решил отрицать.

— В феврале. Плановое обслуживание.

— На пломбе ваша отметка от февраля. Волокно не выглядит пролежавшим в охлаждаемой пыли полгода.

— Вид волокна не датировка.

— Верно. Поэтому ответьте точнее.

За стеной раздался один короткий удар. Нина вздрогнула.

— Там человек.

— Там трубы, — сказал Лев.

— Трубы не слушают вопросы.

Она подошла к шкафу, но Павел выставил руку.

— Не ближе. Если за панелью повреждён кабель, рама может быть под напряжением.

— Ты только что говорил, что за ней ничего нет.

— Я говорил, что нет помещения.

Елена посмотрела на боковую стенку шкафа. Между деревянной обшивкой и металлическим коробом шёл узкий шов. Внизу пыль была нарушена дугой, словно весь шкаф недавно отводили от стены на несколько сантиметров.

— Он поворотный? — спросила она.

Павел не ответил.

Роза вставила квадратный ключ в неприметное отверстие под нижней полкой. Повернула. Где-то внутри щёлкнула механическая тяга.

— Этот шкаф ставили, когда Вера была маленькой, — сказала она. — За ним проход к старой угольной кладовой. После появления архива мне велели считать её заделанной.

Лев шагнул к ней.

— Вы не имеете права открывать техническое помещение.

— А вы только что сказали, что помещения нет.

Роза потянула раму. Шкаф отошёл от стены без скрипа. Кабельные петли внутри были рассчитаны на движение. За ним открылась ниша глубиной меньше метра, облицованная серыми охлаждающими панелями. Дальше стояла кирпичная перегородка. В центре её темнел прямоугольник старой дверной кладки, а справа, почти у пола, зияло отверстие размером с ладонь.

Из отверстия дохнуло тёплым воздухом.

— Вот ваша труба, — сказала Нина.

С той стороны послышалось шуршание. Потом женский голос, едва различимый за кирпичом:

— Не Лев.

Софья прижала руку ко рту.

Лев не удивился. Он лишь быстро посмотрел на терминал Елены.

— Запись выключить.

— Команда представителя фонда зарегистрирована, — сказала Елена. — Основание?

— Внутри может находиться человек в медицинском кризисе. Распространение записи нарушит его частную жизнь.

— Запись локальная и остаётся в контейнере проверки.

— Я запрещаю вскрывать стену.

— Тогда вызовем службы.

— Связи нет.

— После выхода автономного режима.

— До него ещё два часа. Если вы действительно считаете, что там человек, бездействие опаснее вскрытия.

Лев понял, что выбрал плохое основание, и сменил его:

— Это технологический голосовой модуль. Часть старой системы оповещения.

Нина наклонилась к отверстию.

— Мама?

Ответа не было. Только три неглубоких вдоха, потом скрежет по кирпичу.

Елена вспомнила слепок согласия в комнате: ровная фраза, живость подтверждена, время скрыто. Сейчас она слышала не запись, а чьё-то усилие не выдать дыханием расстояние до стены.

— Нина, отойдите, — сказала она. — Не задавайте вопросов, ответы на которые знаете только вы. Пока мы не понимаем, что слышим.

Лев усмехнулся:

— Наконец разумная предосторожность.

— Она относится и к вам. Павел, можно открыть старый проход без разрушения кабелей?

— Не отсюда.

— Откуда?

— Угольная кладовая соединялась с котельной. После перестройки там сделали контур охлаждения. Если проход со-

хранился, вход должен быть за северной магистралью.

— Вы это знали?

— Видел план.

— Когда?

— При установке резерва.

— В феврале?

— Три года назад.

— И сегодня вы не узнали полость по стуку.

Павел стиснул губы.

— Потому что между нишей и старой кладовой кирпич.

Я не думал, что туда можно попасть.

— Но кто-то попал, — сказала Софья.

— Или поставил динамик, — отрезал Лев.

Елена вернулась к резерву. Теперь, когда шкаф был отведён, стала видна задняя часть ниши. Охлаждающая панель за корпусом отличалась оттенком: прямоугольник был светлее, чем вокруг. На нём не успела осесть равномерная пыль. Кабельный разъём удерживала новая чёрная стяжка, тогда как соседние были серыми и ломкими.

— Павел, вы говорили, что корпус нельзя вынуть, пока закрыт нижний фиксатор.

— Да.

— После открытия его можно снять вместе с подключённым шлейфом?

— На полметра. Потом разъём надо отсоединять.

— Чёрная стяжка ваша?

Он закрыл глаза на секунду.

— Моя.

Нина резко повернулась к нему.

— Значит, ты лгал.

— Я сказал, что не вынимал резерв.

— А это что?

— Я открывал нишу. Не сегодня вечером.

Елена указала на волокно.

— Когда?

— Днём. Около четырёх.

— Зачем?

Лев произнёс его имя негромко:

— Павел.

Это прозвучало не предупреждением, а напоминанием об общей версии.

Павел поднял с полки повреждённую перчатку.

— В пятнадцать сорок западный контур дал скачок температуры. Локальный датчик показал двадцать семь. Главный узел ничего не принял. Я открыл шкаф, отжал нижний фиксатор и проверил задний разъём. Корпус не вынимал: вытянул сантиметров на десять, пока не увидел шлейф. Стяжка была надрезана, я заменил её. Перчатку зажевало креплением.

— Почему этого нет в журнале обслуживания?

— Я создал запись на западном контроллере.

— На ветке, которая доставляет события с задержкой, —

сказала Елена.

— Тогда я ещё не знал о задержке.

— Но после прибытия Елены знал, — сказал Лев. — И не сообщил.

Павел впервые посмотрел на него с открытой злостью.

— Я сообщил вам в шестнадцать ноль две. Вы велели не трогать резерв до приезда архивиста и не пугать семью из-за датчика.

— У вас есть подтверждение?

— В служебном журнале дома.

— Который сейчас разошёлся на трёх узлах.

— Поэтому вы и выбрали такую ночь, да?

Тишина после его слов оказалась убедительнее обвинения. Лев не ответил.

Елена приблизила терминал к западному контроллеру, не снимая режим сверки.

— Покажите локальную очередь без доставки.

Павел ввёл сервисный код. Экран выдал двадцать семь неотправленных событий. Между проверкой датчика и открытием корпуса стояла запись в 15:47:11: «НИЖНИЙ ФИКСАТОР — АВАРИЙНЫЙ ДОСТУП». Авторизация: сервисный ключ П.К. Через две минуты — «ШЛЕЙФ ПИТАНИЯ — ВИЗУАЛЬНЫЙ ОСМОТР». В 15:51 — замена стяжки.

Елена прокрутила ниже.

В 16:18:43 фиксатор открыли снова.

Авторизации не было.

В 16:19 датчик массы зарегистрировал уменьшение нагрузки на четыре целых восемь килограмма. В 16:26 — возвращение той же массы. Температура корпуса после возврата составляла двадцать три градуса.

— Это вы? — спросила Елена.

Павел побледнел.

— Нет.

— Сервисный ключ?

— Был у меня.

— Всё время?

Он посмотрел на свою перчатку, будто ответ прятался в разрезе.

— После осмотра я оставил связку в мастерской. На пять минут. Меня вызвали к воротам — проверять резервный привод.

Нина тихо рассмеялась.

— В этом доме всех вызывают ровно туда, где они не должны быть.

— Кто вызвал? — спросила Елена.

— Сообщение от внутреннего диспетчера.

— Голосовое?

— Текст.

— Подписано кем?

— Львом Аркадьевичем.

— Я ничего не отправлял, — сказал Лев.

— Оно было на служебном экране.

— Значит, вы ошиблись адресатом.

— Или кто-то использовал ваш маршрут, — сказала Елена. — Как использовал голос Веры.

За кирпичом дважды стукнули. Один раз помедлили. Потом ещё раз.

Два коротких, один длинный.

Павел шагнул к стене.

— Это не из кладовой.

— А откуда? — спросила Софья.

Он провёл фонарём вверх. Над прямоугольником старой двери уходил узкий кабельный канал. Один из проводов был новым — чёрным, без маркировки, толщиной с палец. Он проходил через охлаждающую панель к шкафу, но не входил ни в один из трёх видимых разъёмов резерва.

— Четвёртый кабель, — сказал Павел. — Его не было на схеме.

Лев двинулся к шкафу. Роза захлопнула складную распорку, и тяжёлая рама остановилась между ними.

— Уберите, — сказал он.

— Сначала архивист закончит осмотр.

Елена проследила кабель до нижней части ниши. Там он исчезал за пластиной с заводской наклейкой охлаждающего контура. Два винта были покрыты пылью. На третьем блестя свежая грань.

— Павел, это относится к резервному узлу?

— Нет. И к охлаждению тоже.

— Можно выяснить, куда он ведёт, не включая и не отключая его?

— Трассоискателем. Он в мастерской.

— Вы пойдёте за ним не один.

— Я пойду, — сказала Нина.

— Нет, — одновременно сказали Лев и Софья.

Нина посмотрела на мать, потом на дядю.

— Забавно. Семь минут назад я была посторонней. Теперь вы оба решаете, куда мне можно идти.

Елена выбрала Розу. Та знала служебные проходы и не зависела от электронных дверей. Павел отдал ей механический ключ от мастерской, но Роза не взяла его.

— У меня свой.

Они ушли вдвоём. Елена осталась у раскрытой ниши, не позволяя никому приблизиться к резерву. Она сохранила в контейнер осмотра температуры, макроснимок волокна, повреждение перчатки, локальные события 15:47 и безымянное открытие 16:18. Затем запросила контрольную сумму журнала на самом западном контроллере. Пока узлы были заморожены, Лев не мог заставить главный принять удобную версию без появления ещё одного расхождения.

— Вы обвиняете техника? — спросил он.

— Я фиксирую два доступа. Первый Павел объяснил и подтвердил локальными событиями. Второй длился семь минут и включал снятие массы узла.

— Его ключ был доступен. Этого достаточно.

— Для подозрения — да. Для вывода — нет.

Павел стоял у кирпичной перегородки и слушал дыхание за ней. Его законный доступ объяснял волокно, но одновременно доказывал другое: он скрыл от Елены дневной сбой и оставил ключ без присмотра. Даже если резерв менял не он, кто-то точно знал его порядок работы.

— Почему вы сразу отрицали доступ? — спросила Елена.

— Потому что вопрос был о замене резерва. А потом я понял, как выглядит перчатка.

— И решили, что узкая правда безопаснее полной.

— В этом доме полная правда всегда принадлежит тому, кто первым успел её записать.

— Поэтому я и спрашиваю до синхронизации.

Роза и Павел вернулись через четыре минуты. Он нёс жёлтый трассоискатель, она — лист, вырванный из старой технической папки.

— Нашла план северной магистрали, — сказала Роза. — В мастерской его не было. Он лежал в моём шкафу.

На плане за западной стеной действительно значилась угольная кладовая. Поздняя красная линия отсекала её от котельной, но рядом оставался узкий вентиляционный лаз. Через помещение был карандашом проведён кабель к маленькому прямоугольнику без подписи.

Павел включил трассоискатель и поднёс датчик к чёрному проводу. Прибор пискнул. Он медленно повёл им вдоль

стены. Сигнал уходил не к главному узлу и не к комнате согласия. Он поднимался внутри старой кладки, поворачивал за кирпичный проём и заканчивался в полости.

— Там терминал, — сказал Павел. — Маленький. Питание и обмен данными. Не узел, но он подключён к западной ветке.

Елена посмотрела на запись 16:18. Резерв вынули на семь минут. Этого хватало, чтобы добраться до скрытого разъёма за его корпусом или пропустить кабель внутрь ниши. Не хватало, чтобы построить тайную систему с нуля. Значит, полость существовала раньше сегодняшнего вмешательства.

Из-за стены снова донёсся голос. На этот раз яснее:

— Нина, не верь голосу.

Нина шагнула вперёд.

— Это она.

— Или тот, кто знает, что вы хотите услышать, — сказала Елена.

Она приблизила терминал к отверстию, но не для записи слов. Открыла шкалу сигнала западной ветки. В момент голоса по четвёртому кабелю прошёл короткий пакет данных.

Звук из полости и скрытый терминал были связаны.

Лев увидел всплеск на экране.

— Не открывайте этот канал.

Елена подняла голову.

— Почему?

Он впервые за вечер не нашёл готовой формулировки.

На терминале появилась новая строка, доставленная не главным узлом, а прямо по чёрному кабелю:

«НЕ ПРОВЕРЯЙТЕ ФРАЗУ. ПРОВЕРЬТЕ ПАУЗЫ».

Глава 6. Голос умершей

Елена не коснулась строки на экране.

Сообщение могло быть подсказкой, ловушкой или способом заставить её открыть канал, который она до сих пор только наблюдала. Любой из трёх вариантов требовал одного и того же: не отвечать источнику.

— Павел, снимите питание с трассоискателя, — сказала она. — Чёрный кабель не трогать. Роза, закройте проход распоркой так, чтобы шкаф нельзя было вернуть на место.

— А голос? — спросила Нина.

— Останется там, где был.

— Если там мама, она останется за стеной.

— Если там человек, мы доберёмся до него через безопасный вход. Если там динамик, стена никуда не денется. А если нас хотят заставить действовать быстро, спешка — часть чужого плана.

Нина смотрела на отверстие в кирпичной кладке. Оттуда больше не доносилось ни дыхания, ни шороха. Тишина была слишком своевременной, чтобы успокаивать.

Лев первым отошёл от ниши.

— Вы получили анонимную команду из незаконного устройства и теперь собираетесь ей следовать.

— Я собиралась проверить слепок Веры до появления команды.

— Тогда проверяйте в комнате согласия. Здесь семейные помещения.

— Минуту назад их не существовало.

Он поправил манжету. Этот жест Елена уже видела: Лев приводил одежду в порядок, когда не мог привести в порядок разговор.

— Я ошибся насчёт старой кладовой. Дом перестраивали несколько раз.

— Но не насчёт канала. Вы велели его не открывать до того, как я назвала его каналом.

Софья медленно повернулась к брату.

— Лев?

— Я видел пакет на её экране.

— Вы увидели всплеск, — сказала Елена. — Назначение кабеля определил Павел. Вы знали больше, чем было сказано вслух.

— Или быстрее вас понял очевидное.

— Это проверяемо. Как и голос.

Елена сохранила изображение строки, частоту пакета и состояние западной ветки в отдельный раздел контейнера. Сам пакет не открывала: чтение могло подтвердить получение или выполнить вложенную команду. Затем вывела на терминал схему комнаты согласия.

Слепок Веры хранился не как обычный аудиофайл. «Свод» держал четыре слоя: произнесённую фразу, признаки живости, отпечаток помещения и цепочку допуска. Тек-

стовую расшифровку Елена уже видела. Теперь ей требовался слой, который система обычно показывала лишь зелёной отметкой.

— Для расширенной проверки нужен доступ представителя фонда, — сказал Лев. — Я его не дам.

— Не нужен. Ручная сверка уже заморозила действие. Я могу исследовать доказательство, на основании которого от моего имени запускают необратимую операцию.

— Вы не представитель Веры.

— Я и не собираюсь слушать её личный архив. Только технические признаки слежка.

— Дыхание — тоже биометрия, — заметил Павел.

Елена кивнула.

— Поэтому нам не нужна узнаваемая запись. Я выделяю паузы без слов и сохраняю числа, не голос.

Нина наконец отошла от стены.

— Я хочу слышать.

— Нет.

— Вы только что сказали, что это может доказать подделку.

— И может заставить вас узнать в любом вдохе мать. Вы заинтересованная сторона.

— А он нет? — Нина указала на Льва.

— Поэтому никто из вас не будет решать, что слышно. Павел подтвердит параметры оборудования. Роза засвидетельствует порядок действий. Вы и Лев увидите журнал, но не

получите исходный звук.

— Очень удобно, — сказал Лев. — Единственная истина останется у архивиста.

— Нет. У каждого останется способ повторить проверку без моего толкования.

Она сформировала запрос: длительность фрагментов, интервалы тишины, спектр фонового шума, непрерывность дыхательного цикла. Содержание речи терминал должен был заменить ровным тоном. Система предупредила, что раскрытие производных признаков может снизить защищённость голосового профиля.

Елена выбрала однократный локальный просмотр без экспорта исходника.

— Роза, время.

— Двадцать два ноль восемь.

— Павел, состояние узлов.

— Главный заморожен. Западный в локальной очереди. Резерв подключён, корпус открыт для осмотра. Обмена по чёрному кабелю сейчас нет.

Елена подтвердила запрос.

На экране появилась дорожка длиной девять секунд. Слова были заменены прямоугольными полосами, паузы оставлены пустыми. Между ними выделялись четыре вдоха: короткий, глубокий, два коротких. Проверка живости считала их естественной последовательностью и показывала девяносто восемь процентов уверенности.

— Вот и всё, — сказал Лев. — Живой голос, подлинная фраза.

Елена увеличила первый стук.

— Нет. Вот только то, что решил модуль.

У каждого вдоха был свой фон: едва слышный гул помещения, отражение от стен, дальний механический шум. На обычной громкости различия исчезали. В спектре они легли четырьмя узкими гребнями.

Первый вдох сопровождался низким дрожанием на сорока восьми герцах. Во втором поверх гула возникал лёгкий металлический звон. Третий был почти чистым. В четвёртом на самом краю слышимости повторялся двойной щелчок.

Павел наклонился к экрану.

— Это может быть автоматика дома.

— Может. Нам нужно понять какая.

— Сорок восемь герц похожи на старый насос северного контура. Но его заменили.

— Когда?

— Весной позапрошлого года.

Лев усмехнулся.

— В любом доме десятки насосов. Вы подгоняете шум под удобную историю.

— Поэтому история подождёт.

Елена не стала отмечать насос как установленный факт. Она запросила у «Свода» только совпадения фонового отпечатка с семейным архивом, без выдачи содержимого. Систе-

ма потребовала уточнить область поиска.

— Весь архив нельзя, — сказал Павел. — Даже отпечатки потянут индекс с трёх узлов. При заморозке получим ещё больше расхождений.

— И не нужно весь. Слепок уже содержит идентификаторы источников живости.

Он посмотрел на неё.

— Они скрыты.

— Имена файлов скрыты. Но проверка обязана хранить доказательство происхождения признака, иначе зелёная отметка ничего не стоит.

Елена открыла технический сертификат. Внизу, после подписи комнаты и версии анализатора, шли четыре укороченных указателя. Система называла их независимыми образцами. У всех совпадали первые шесть знаков семейного пространства, но последние части различались.

— Четыре файла, — сказала Роза.

— Четыре фрагмента, — поправила Елена. — Это ещё не одно и то же.

Нина подошла ближе, удерживаясь за край стола, будто дом слегка накренился.

— Фраза тоже из четырёх частей?

Елена наложила границы указателей на дорожку. Три стыка прошли внутри словесных полос, а не по паузам.

— Из четырёх.

Софья тихо произнесла:

— Но она могла записать согласие по частям. Если болела.

— Могла. Монтаж не всегда означает подделку. Важно, на что именно она соглашалась в каждом источнике.

Лев сделал шаг к выходу.

— Вы закончили. Для расшифровки семейных записей у вас нет полномочий.

— Содержание мне не требуется.

Елена запросила даты регистрации источников, тип носителя и отпечаток помещения. «Свод» показал четыре периода вместо точного времени: август три года назад, январь позапрошлого года, июль прошлого года и октябрь прошлого года. Все — задолго до официальной смерти Веры и до заказа на удаление.

Нина прочла даты вслух.

— Она не могла согласиться на сегодняшний акт три года назад.

— Отдельные слова могла произнести тогда, — сказала Елена. — Вопрос в том, кто собрал из них сегодняшнее значение.

Лев остановился у двери.

— Или система ошибочно связала новый слепок со старыми образцами для проверки живости. Так работают голосовые профили.

— Тогда границы образцов не совпали бы со стыками фразы.

Она вывела таблицу без названий файлов. Первый рече-

вой кусок происходил из октябрьского материала, второй — из июльского, третий — из январского, четвёртый — из августовского.

На экране даты стояли сверху вниз, от самой поздней к самой ранней.

Павел провёл пальцем в воздухе, не касаясь терминала.

— Обратный порядок.

— Пока только у речевых частей.

— И у пауз, — сказала Роза.

Елена посмотрела на неё.

— Почему вы так решили?

— Двойной щелчок. Старые часы в зимнем саду били так перед ремонтом. Сначала два щелчка механизма, потом удар. Вера записывала там сообщения, потому что любила утренний свет. Часы убрали года три назад.

— Вы помните точнее?

— Их сняли перед шестидесятилетием Аркадия. В августе. После праздника они больше не работали.

Лев резко сказал:

— В доме были другие часы.

— С таким боем — нет. Ваш отец заказал механизм в Финляндии и двадцать лет рассказывал об этом каждому гостю.

Елена отметила свидетельство отдельно, как непроверенное. Затем сопоставила четыре фоновых отпечатка с техническим индексом семейных материалов. Ей не нужны были

лица или слова: только дата, место записи и совпадение шума.

Первый вдох совпал с октябрьской видеозаписью из галереи. Второй — с июльским сообщением из кухни. Третий — с январским разговором в библиотеке. Четвёртый — с августовским роликом из зимнего сада.

Октябрь. Июль. Январь. Август — ещё годом раньше.

Каждая следующая пауза была старше предыдущей.

Система проверки живости приняла естественность каждого вдоха отдельно и не проверила, мог ли один человек сделать четыре вдоха в разные годы во время одной фразы.

— Фразы подлинные, — сказала Елена. — Голос Веры не синтезирован. Каждый кусок существовал в семейном архиве до сегодняшнего заказа. Но единой записи согласия не было.

Нина закрыла глаза.

— Покажите слова.

— Нет.

— Я и так знаю фразу. Она была на экране.

— Вы знаете результат склейки. Не источники.

— Если я узнаю, где она говорила каждое слово...

— Именно поэтому не покажу. Личные разговоры не становятся общими только потому, что кто-то вырезал из них удобное предложение.

Софья села на край низкой скамьи. До этого она держалась прямо, словно представляла не себя, а весь дом. Теперь

плечи опустились.

— Вера записывала всё, — сказала она. — Праздники, ссоры, рецепты, голосовые записки. Иногда включала камеры и забывала о них. Из её архива можно собрать почти любую фразу.

— Не любую, — возразил Лев. — Для точного согласия нужны конкретные слова.

— Акт составлен так, чтобы они нашлись, — сказала Елена.

Он медленно повернулся к ней.

— Что вы имеете в виду?

— Формула согласия странная. «Подтверждаю прекращение связей, перечисленных хранителем, и разрешаю очистить принадлежащие мне следы». Нет названия фонда, даты, номера акта, имени архивиста. Юридически звучит внушительно, технически подходит к сотням бытовых фраз.

— Вы сами приняли эту формулу при входе.

— Я увидела её после того, как мой голос уже засчитали первым согласием. Теперь понимаю зачем: оба согласия собирались из слов, произнесённых в другом контексте.

Павел поднял голову.

— Ваше тоже смонтировано?

— Нет. Моё получено целиком, но не на ту команду, которую мне показали. Один способ подменяет контекст, другой — время. Вместе они создают видимость двух независимых решений.

За стеной коротко зашуршало. Нина вздрогнула, но не двинулась. По чёрному кабелю прошёл слабый пакет. На экране Елены строка не появилась.

— Оно нас слышит? — спросила Софья.

— Канал передавал данные одновременно со звуком, — сказала Елена. — Это доказывает связь терминала с голосом, но не присутствие человека.

— Тогда откройте пакет, — потребовала Нина.

— Пока нет.

— Там может быть её просьба.

— Первая просьба уже направила нас к доказательству. Вторая может направить к команде. Я не позволю неизвестному источнику управлять проверкой по шагам.

Нина приблизилась вплотную.

— Вам удобно считать неизвестным всё, что нельзя положить в контейнер.

— А вам удобно считать матерью всё, что говорит её голосом.

Слова ударили сильнее, чем Елена хотела. Нина отступила. Софья поднялась, но между ними встал не Лев — Роза.

— Она права, — сказала управляющая. — И вы тоже правы. Поэтому сейчас никто не идёт за стену один.

Нина посмотрела на неё с обидой.

— Вы знали про комнату?

— Знала, что когда-то была кладовая. Не знала, что там голос.

— В этом доме все знают ровно половину.

— Половина иногда единственное, что удаётся сохранить.

Елена вернулась к таблице. Четыре даты доказывали монтаж, но не называли монтажёра. Доступ к семейному архиву имели Вера, Лев, Софья, Антон и несколько технических ролей. Нина до сегодняшнего отзыва карты тоже могла просматривать личные материалы. Скрытый терминал подсказывал, как обнаружить подделку, но это не оправдывало его владельца: человек мог заранее подготовить и улику, и её эффектное раскрытие.

— Кто создал технический сертификат слепка? — спросила Елена.

Павел открыл служебную строку.

— Комната согласия. Подпись устройства действующая.

— А кто подал четыре источника?

— Поле закрыто правилом приватности Веры.

Лев развёл руками.

— Вот предел вашей проверки.

— Предел содержания. Не структуры.

Елена сравнила время добавления источников. Все четыре указателя вошли в очередь одновременно — в 21:25 по заданному контроллеру, за семь минут до регистрации на главном. Однако сами разрешения на использование были выпущены в разные дни. Не четыре старые записи случайно сошлись сегодня. Кто-то заранее отметил в них нужные участки, а этой ночью только собрал результат.

Один из допусков отличался длиной. У трёх стояла обычная семейная лицензия просмотра. У августовского фрагмента — право владельца создавать производное доказательство без раскрытия содержания.

— Это чьё право? — спросила Роза.

— Не имя. Тип полномочия.

— Владелец архива? — сказал Павел.

— Или тот, кому владелец заранее его выдал.

Нина быстро спросила:

— Мама могла выдать такое право себе?

— Могла. Как и доверенному лицу. Сертификат не доказывает, что она была жива сегодня.

Елена намеренно не произнесла другой вывод: человек, подготовивший монтаж, заботился не только о том, чтобы слепок прошёл проверку, но и о том, чтобы позднее его можно было разоблачить. Обратный порядок дат не требовался для склейки. Можно было расположить вдохи как угодно или срезать их вовсе. Их оставили и выстроили от нового к старому, словно стрелку, направленную в прошлое.

Слишком аккуратная ошибка.

— Вы нашли подделку, — сказал Лев. — Значит, второго согласия нет. Удаление остановлено. На этом ваша работа завершена.

— Наоборот. Кто-то использовал инфраструктуру фонда, подлинные записи Веры и комнату согласия, чтобы запустить удаление. Пока теневые дельты заморожены, я обязана

сохранить доказательства вмешательства.

— Ваш договор — удалить историю семьи.

— Мой договор основан на поддельном согласии.

— Тогда договора нет. Покиньте дом, когда откроются двери.

— После передачи контейнера независимому хранителю. Взгляд Льва задержался на терминале.

— Связи нет.

— Поэтому контейнер останется у меня и на локальной копии свидетеля.

— Какого свидетеля?

Елена повернулась к Розе.

— Вы согласны хранить зашифрованную копию технических доказательств до восстановления связи? Без возможности прочесть содержимое.

Роза не спросила разрешения у семьи.

— Согласна.

— Я запрещаю использовать оборудование дома, — сказал Лев.

— У меня бумага надёжнее вашего оборудования.

Из кармана передника Роза достала маленький серый накопитель в прозрачном пакете. На этикетке её почерком было написано: «Опись сада, 2019».

Павел невольно улыбнулся.

— Вы храните опись сада на защищённом носителе?

— После того как ваши умные ворота однажды решили,

что яблони принадлежат соседям.

Елена проверила накопитель в изолированном режиме, очистила свободный раздел и записала контейнер с журналом доступа. Роза придумала пароль из шести слов и ввела его сама, отвернув экран от остальных. Терминал показал две независимые контрольные суммы.

В этот момент «Свод» подал короткий сигнал.

Ручная сверка оставалась активной. Но под строкой замороженного удаления появилась новая запись:

**«ВТОРОЕ СОГЛАСИЕ ОТКЛОНЕНО: НАРУШЕНА
ВРЕМЕННАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ».**

Ниже система добавила:

«ТРЕБУЕТСЯ ЗАМЕНА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА».

— Хорошо, — сказала Софья. — Значит, всё остановилось.

Елена смотрела на последнюю строку. У неё не было поля для архивиста и кнопки подтверждения. Запрос пришёл из другого процесса, который не подчинялся её заморозке.

— Нет, — сказала она. — Кто-то только что узнал, что мы разобрали слепок.

По чёрному кабелю снова прошёл пакет. На этот раз скрытый терминал не вывел слов. Вместо них в локальной очереди западного узла появилась новая заявка на согласие.

Источник был обозначен как «архивист 2».

Глава 7. Автономная ночь

Сначала погасла галерея.

Не вся сразу. Свет уходил от дальнего окна к холлу, секция за секцией, будто кто-то медленно закрывал дом изнутри. Остались аварийные полосы вдоль пола и янтарный прямоугольник терминала. За стеклянной стеной зимнего сада ветви метнулись в одну сторону. Через секунду в стекло ударил дождь.

«Свод» произнёс спокойным женским голосом:

— Получено штормовое предупреждение. Внешние контуры переведены в автономный режим. Расчётное время восстановления связи — неизвестно.

Павел вытащил телефон. Экран показывал сеть дома, но ни один вызов не уходил.

— Мобильная тоже легла?

— Здесь она через усилитель на крыше, — сказала Роза.
— Без него внизу всегда пусто.

Лев подошёл к стеновой панели у двери. Та не отозвалась на ладонь.

— Открыть главный вход.

— Наружные двери заблокированы до завершения проверки ветровой нагрузки, — ответил дом.

— Ручное управление. Код владельца.

Лев назвал шесть цифр. Панель мигнула красным.

— Полномочие владельца ограничено штормовым протоколом.

Елена заметила, как он перестал дышать на половине вдоха. Не испугался — удивился. Человек, привыкший к отказам системы, ругается заранее; Лев же услышал отказ впервые.

— Кто ограничил полномочие? — спросила она.

— Правило безопасности утверждено семейным фондом.

— Когда?

— Точное время недоступно в автономном режиме.

За стеной загудел привод. Тяжёлая противопожарная штора опустилась между галереей и лестницей, оставив узкий проход до пола. Нина шагнула к нему, но Роза поймала её за локоть.

— Не надо. Если перекосит, обратно не поднимем.

— Там комнаты, — сказала Нина. — И другой выход.

— Все наружные выходы на одном контуре, — ответил Павел. — Кроме хозяйственного тоннеля, если его не заварили.

Лев повернулся к нему слишком быстро.

— Какого тоннеля?

— Старого. К теплицам. Я видел его на схеме девяносто восьмого года.

— На новой схеме его нет.

— На новой схеме и комнаты за угольной кладовой нет.

Софья тихо попросила их замолчать. Она смотрела не на

двери, а на семейную стену. Семь портретов исчезли. Вместо них на чёрных экранах горела одна строка:

«СИНХРОНИЗАЦИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНА. ЛОКАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ».

Елена вернулась к терминалу. Новая заявка «архивиста 2» уже не была просто строкой в очереди. Рядом появился серый круг исполнения — без процента, без перечня объектов и без кнопки отмены.

— Павел, дайте автономное питание моему терминалу. Отдельно от западного узла.

— Батарея здесь часа на два.

— Значит, не тратим их на свет.

Он достал из сервисного ящика плоский блок и проверил пломбу. Лев протянул руку.

— Оборудование дома остаётся в доме.

Павел отдал блок Елене, не посмотрев на него.

— Он и останется. Только поработает не на вас.

Лев усмехнулся.

— Вы все быстро решили, что отказ системы делает вас свободными.

— Нет, — сказала Елена. — Поддельное согласие делает ваш заказ недействительным.

Она открыла акт и вызвала отмену. «Свод» потребовал основание. Елена приложила технический сертификат, таблицу временной непрерывности и обе контрольные суммы контейнера. В поле комментария написала: «Второе живое

согласие отсутствует. Представленный слепок смонтирован из четырёх источников разных лет. Исполнение запрещено до независимой проверки».

— Вы не имеете права объявлять согласие поддельным,
— сказал Лев. — Вы не судебный эксперт.

— Я не объявляю виновного. Я фиксирую техническую невозможность единой записи.

— И нарушаете договор.

— Договор не может разрешить действие, обязательное условие которого не наступило.

Она нажала «Отозвать полномочие архивиста».

Терминал несколько секунд молчал. Затем напечатал:
«ПОЛНОМОЧИЕ АРХИВИСТА 1 ОТОЗВАНО».

Нина выдохнула.

Под строкой сразу появилась вторая:

«ПРОЦЕСС УДАЛЕНИЯ ПРОДОЛЖЕН ДРУГИМ ИСПОЛНИТЕЛЕМ».

Серый круг сделал полный оборот.

— Отмените весь процесс, — сказала Софья.

— Я отменила своё участие. Для общей отмены нужен владелец процесса или оба согласующих.

— Одно согласие отклонено.

— Поэтому процесс не должен был принять другого исполнителя.

Елена запросила карточку замещения. Вместо имени система показала только роль: «архивист 2». Основание допус-

ка — «непрерывность операции при утрате связи с основным исполнителем». Время назначения стояло 21:25 по западному контроллеру.

То же время, когда туда поступили куски голоса Веры. За семь минут до того, как дом зарегистрировал первое согласие Елены.

Она повернула экран к остальным.

— Второго архивиста назначили раньше первого.

Павел наклонился к строке.

— Так не бывает. Замена появляется после потери основного.

— Если журнал идёт вперёд на семь минут, для главного узла назначение могло выглядеть более поздним.

— Но первичного исполнителя тогда ещё не существовало.

— Существовал ожидаемый исполнитель, — сказала Елена. — Кто-то заранее знал, что я приеду, дам голос и получу полномочие.

Лев не отвёл взгляда.

— О вашем приезде знала вся семья.

— О приезде — да. О точной минуте моего голосового подтверждения знал тот, кто построил порядок команд.

— Вы сами назвали время у ворот.

— После двадцати одного двадцати пяти.

Роза положила накопитель с копией доказательств во внутренний карман передника.

— Значит, нас не запер шторм.

— Шторм настоящий, — сказал Павел. — Датчики на фасаде не подделаешь одним приказом.

— Настоящий дождь может быть удобной дверью, — ответила Елена. — Автономный режим ограничивает внешнюю проверку, а правило замещения позволяет продолжать локальные команды. Не обязательно вызывать шторм. Достаточно ждать прогноза.

Гром пришёл почти без задержки. На мгновение аварийные полосы стали ярче, затем западная ветка исчезла со схемы. Серый круг остановился.

— Узел отключился? — спросила Нина.

Павел открыл сервисную панель.

— От центрального питания — да. Но резерв в нише должен держать контроллер.

— Должен или держит?

— Сейчас проверю.

Он пошёл к поворотному шкафу. Елена остановила его.

— Не один. Роза, останьтесь с копией здесь. Нина и Софья — тоже.

— Вы мне больше не приказываете, — сказала Нина.

— Я никогда вам не приказывала. Я предлагаю не делить людей, пока в доме действует неизвестный исполнитель.

Нина посмотрела на чёрный экран, где недавно было её лицо.

— Хорошо. Но если голос снова заговорит, я отвечу.

— Ответьте своим голосом, не секретом, который знаете только вы и Вера.

Это была уступка, и Нина её слышала. Кивнула один раз. Лев преградил Елене дорогу к шкафу.

— После отзыва полномочий у вас нет доступа к инфраструктуре.

— У меня осталась обязанность не уничтожать доказательства собственной работы.

— Ваша работа окончена.

— Тогда почему моя метка всё ещё используется как основание замещения?

Он промолчал.

Елена приблизила карточку процесса. Её идентификатор действительно сохранялся в цепочке, но роль была перечёркнута. Ниже «архивист 2» наследовал область допуска: личный слой, семейные связи, договорные приложения. Не наследовал только право просмотра. Значит, неизвестный мог удалять то, чего не мог открыть.

Или система делала вид, что не мог.

— Покажите ключ замены, — попросила она.

— Закрытая информация исполнителя.

— Покажите тип носителя.

На этот раз «Свод» ответил: «локальное доверенное устройство».

Все машинально посмотрели на терминал за стеной.

Чёрный кабель лежал на кирпиче неподвижно. Индикатор

скрытого устройства не горел.

— Не обязательно оно, — сказал Павел. — Локальным считается любой ключ внутри периметра.

— Телефон? — спросила Софья.

— Телефон, карта, сервисная метка, узел. Всё, что заранее внесли в доверенный список.

Лев поднял обе руки, показывая пустые ладони.

— Тогда общите меня. Этого вы добиваетесь?

— Нет, — сказала Елена. — Если ключ работает автоматически, носитель можно спрятать в стене. Обыск людей только даст тому, кто его поставил, возможность посмотреть, кого мы подозреваем.

— А вы никого не подозреваете?

— Подозреваю каждого, кто заранее знал условия заказа. Включая человека, который создал заказ.

Лев улыбнулся без тепла.

— Удобная нейтральность.

— Нейтральности больше нет. Есть последовательность событий.

Она сохранила карточку замещения в контейнер. Подпись файла совпала не с главным узлом, а с резервом. Тёплый корпус в нише был не просто копией данных: именно он удостоверял право второго исполнителя.

— Павел, — сказала Елена. — Если отключить резерв физически, команда остановится?

— Возможно. Или главный сочтёт узел потерянным и за-

вершит очередь сам.

— Можно изолировать его без выключения?

— Снять сетевую перемычку. Тогда локальные процессы продолжатся внутри, но не дойдут до остальных узлов.

— И доказательства останутся?

— Пока держит батарея.

— Сколько?

— Если корпус тот же — четыре часа. Если внутри заменили начинку, не знаю.

Елена посмотрела на часы терминала: 22:11 по главному контуру. Западный показывал 22:18. До полуночи осталось меньше двух часов; автономная батарея могла пережить синхронизацию, а могла погаснуть раньше.

— Изолируем, — решила она.

— Нет, — сказал Лев.

— Тогда предложите действие, которое остановит удаление без уничтожения журнала.

— Ничего не трогать. Шторм закончится, приедут специалисты фонда.

— Процесс уже идёт.

— Вы видите круг на экране. Это ещё не удаление.

Елена открыла теневую дельту. За последние две минуты в западной ветке появилось девять изменений. Содержание было закрыто, но типы связей читались: три права доступа, два свидетельства, одна доля участия и три маршрута наследования.

— Это удаление, — сказала Роза.

Лев взглянул на неё так, словно впервые заметил, что она умеет читать экран.

— Это служебная перестройка.

— Моё имя тоже было служебной перестройкой?

Елена подняла голову.

— Ваше имя где?

Роза показала на одну из строк. Идентификатор субъекта был скрыт, но рядом стояла дата исходной связи — апрель 2003 года — и отметка «имущественное участие». Роза достала из кармана бумажку, сложенную вчетверо. Не опись сада: выцветшую квитанцию с номером приложения.

— В апреле две тысячи третьего Аркадий подписал доли тем, кто вкладывал деньги в перестройку дома. Моё приложение было четвёртым.

— Почему вы не сказали раньше?

— Потому что раньше исчезала Нина. Теперь добрались до нас.

Слово «нас» изменило комнату. До него спор шёл о мёртвой женщине, семейной обиде и странной системе. После него удаление стало списком живых людей, которых здесь не было, но чьи права могли исчезнуть до утра.

Елена увеличила дельту. Девять изменений образовывали один пакет. Его подпись была скрыта, однако номер приложения к доле сохранился в структурном поле.

Четыре.

— Сделайте снимок, — сказала Роза.

— Снимок экрана можно оспорить. Я сохраню подписанную структуру.

— Тогда сохраняйте быстрее.

Елена добавила дельту в контейнер и записала вторую копию на накопитель Розы. Та снова ввела пароль, закрывая клавиши ладонью. Пока шло копирование, на экране появилась десятая строка.

«ПРАВО СВИДЕТЕЛЬСТВА: ПРЕКРАЩЕНО».

— Чьё? — спросила Нина.

— Содержание скрыто.

— Моё уже прекратили.

— В пакете другой субъект.

Софья провела пальцами по шее.

— Если система уберёт нас из семьи, двери комнат тоже перестанут открываться?

— Да, — сказал Павел. — А медицинские профили, доверенности, доступ к счетам фонда — смотря что связано со статусом.

— То есть дом может запереть человека в комнате?

— Противопожарный выход откроется механически.

Роза покачала головой.

— В северных комнатах механические ручки сняли после ремонта.

Павел выругался вполголоса и тут же пошёл к шкафу. На этот раз Лев попытался удержать его за плечо. Павел стрях-

нул руку.

— Если хотите ждать специалистов, ждите. Я не дам вашей коробке решать, кто здесь имеет право выйти при пожаре.

Они вдвоём с Еленой повернули шкаф. Из ниши пахло тёплой пылью. Индикаторы резервного корпуса горели ровно, хотя остальная западная ветка считалась обесточенной.

— Собственная батарея, — сказал Павел. — И нагрузка почти полная.

Он показал две перемычки: синюю, уходящую к главному узлу, и чёрную, добавленную позже. Чёрная шла к скрытому терминалу. На ней мерцал обмен.

— Второй архивист там? — спросила Елена.

— Трафик там. Ключ может быть где угодно.

— Сначала изолируем главный.

Павел надел целую аварийную перчатку, назвал вслух время и серийный номер перемычки. Елена записала действие в локальный журнал. Роза и Нина подтвердили как свидетели. Только после этого он вынул синюю линию.

Серый круг на терминале замер.

Десятая дельта осталась незавершённой: связь была отмечена как выбранная, но не удалённая.

— Получилось, — сказала Софья.

— На одном узле, — ответила Елена.

Чёрная перемычка продолжала мигать.

Из-за кирпича послышался тот же женский голос:

— Не отключайте меня.

Нина рванулась вперёд. Роза успела заслонить щель телом.

— Мама!

— Нина, не трогай кабель. Он держит доказательство.

Елена смотрела на обмен. Пакет прошёл сразу после слов, как прежде. Но теперь она увидела направление: не из скрытой комнаты в резерв, а из резерва к терминалу.

Сначала данные. Потом голос.

— Это не прямая линия из комнаты, — сказала она. — Терминал получает команду от резерва и воспроизводит ответ.

— Вы опять называете её записью, — сказала Нина.

— Я называю порядок. Пакет пришёл раньше слов.

Женский голос за стеной произнёс:

— Елена, второй архивист не человек.

Все замерли.

Елена не подходила ближе.

— Откуда источник знает моё имя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.